

4 $\frac{203}{933}$

ИИИ
319
А. С. ПУШКИНЪ

ВЪ

ЕГО ИЗРЕЧЕНІЯХЪ И ХАРАКТЕРИСТИКАХЪ

(ВЪ ПАМЯТЬ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ)

СОСТАВИЛЪ

А. Н. Сальниковъ.

Съ рисункомъ памятника, предисловіемъ и статьями: «Послѣдніе дни А. С. Пушкина по рассказамъ очевидцевъ».



БИБЛИОТЕКА
КОЛОНОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова.

Лештуковъ переулокъ, уголъ Фонтанки, д. 2—74.

1887.

87

$$\frac{144}{319}$$
$$U \frac{203}{933}$$

144

319

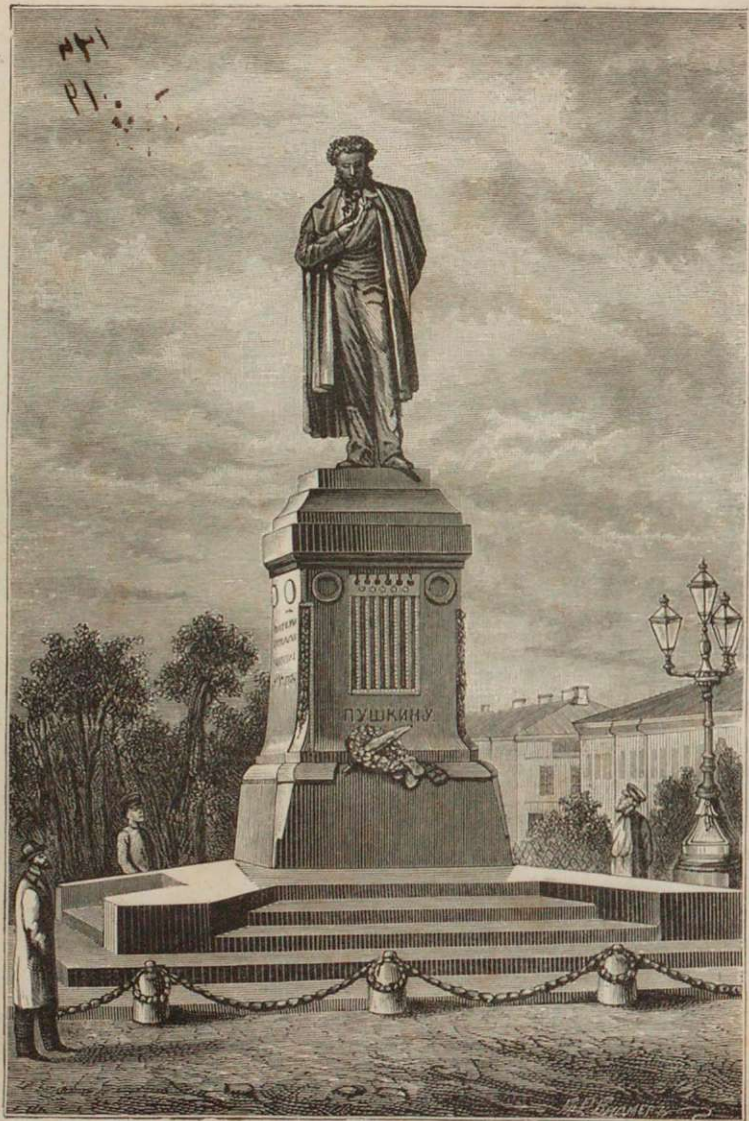
БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

~~34022~~

5
58788

144
—
319

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЇ ДУХОВНОЇ
АКАДЕМІЇ.



Памятникъ А. С. Пушкину

въ Москвѣ.

25
А. С. ПУШКИНЪ ¹⁴⁴/₃₁₉

ВЪ

ЕГО ИЗРЕЧЕНІЯХЪ И ХАРАКТЕРИСТИКАХЪ

И 203 (ВЪ ПАМЯТЬ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ)
933

СОСТАВИЛЪ

А. Н. Сальниковъ.

Съ рисункомъ памятника, предисловіемъ и статьями: «Послѣдніе дни А. С. Пушкина по разсказамъ очевидцевъ».



л 8955.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова.

Лештуковъ переулочъ, уголъ Фонтанки, д. 2—74.

1887.



36962-44



2011138054

О Г Л А В Л Е Н І Е .

Предисловіе	5
Памяти Пушкина	7
Отд. I. Человѣкъ	17
Общія понятія.—Совѣсть.—Сердце.—Любовь.—Надежда.—Счастіе.—Радость.—Любопытство.—Привычка.—Слава.—Дружба.—Правда.—Свобода.—Молодость.—Старость.—Глупость.—Умъ.—Эгоизмъ.—Педантизмъ.—Скептицизмъ.—Протекція.—Лесть.—Презрѣніе.—Нравственныя сентенціи.—Нравственное чувство.—Исключительные люди.—Терпимость.—Обычай.—Золотой вѣкъ.—Скука.—Страданія—Смерть.	
Отд. II. Семья. Общество. Народъ	34
Характерная особенность русской семьи.—Бракъ.—Женщина.—Наши непривлекательныя стороны.—Дворянство.—Уваженіе къ предкамъ.—Квасной патриотизмъ.—Чины.—Духовенство.—Сословная честь.—Воспитаніе и образованіе въ Россіи.—Свѣтскій кругъ.—Этикетъ.—Отличительныя черты національнаго характера.	
Отд. III. Государство	51
Законъ.—Цензура.—Дипломатія.—Верховная власть.—Политическіе перевороты.—Divide et impera.—Европа и Россія.—Москва.	
Отд. IV. Литература, наука, религія	58
Вдохновеніе.—Прекрасное.—Родной языкъ.—Старая словесность.—Народность.—Поэзія.—Безнравственныя сочиненія —Цѣль художества.—Поэты.—Общія замѣчанія о писателяхъ: односторонность; не-	

умѣнье изображать физическія движенія страстей; значеніе писателя въ обществѣ и государствѣ; великіе писатели.—Наука и ученые.—Переводчики. Критики.—Литературный вкусъ.—Талантъ.—Его отношеніе къ генію.—Литература, какъ профессія.—Религіозныя воззрѣнія.

Отд. V. Характеристики (русскія и иностранныя) 75

Государя: Александръ I.—Екатерина II.—Петръ Великій.—Карлъ XII.—Наполеонъ I.—*Полководцы:* Барклай-де-Толли.—Кутузовъ—*Государственные дѣятели:* Аракчеевъ.—А. М. Горчаковъ.—Ришелье.—*Политическіе авантюристы:* Марина Мнишекъ.—Мазепа.—*Писатели:* Баратынскій.—Батюшковъ.—Богдановичъ.—Булгаринъ.—Кн. Вяземскій.—Фед. Глинка.—Гнѣдичъ.—Гоголь.—Грибоѣдовъ.—Дельвигъ.—Державинъ.—Дмитріевъ.—Жуковскій.—Карамзинъ.—Крыловъ.—Ломоносовъ.—Надеждинъ.—Озеровъ.—Радищевъ.—Сумароковъ.—Фонвизинъ.—Хемницеръ.—Кн. Шаховской.—Байронъ.—Вальтеръ-Скоттъ.—Вольтеръ.—Делиль.—Дидеро.—Просперъ Мериме.—Мицкевичъ.—Расинъ.—Томасъ Муръ.—Шатобрианъ.—Шекспиръ.—Андрей Шенье.

Отд. VI. Пушкинъ о себѣ: 109

Отд. VII. Послѣдніе дни Пушкина по разсказамъ очевидцевъ:

Описаніе В. А. Жуковскаго 116
 Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову . . . 139
 Послѣдніе дни А. С. Пушкина (доктора И. Т. Спасскаго). . . 146
 Смерть А. С. Пушкина (В. И. Даля). 152

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Составленная мною книга: «А. С. Пушкинъ въ его изреченіяхъ и характеристикахъ» представляетъ, такъ сказать, полный кодексъ міровоззрѣній великаго поэта. Собранный въ ней матеріалъ распределенъ въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ и заключаетъ въ себѣ общественные, политическіе, литературные и другіе взгляды Пушкина. Подъ каждымъ изреченіемъ сдѣлана ссылка, откуда оно заимствовано. Такимъ образомъ, читателю, интересующемуся знать, по какому поводу высказанъ тотъ или другой взглядъ поэта, представляется полная возможность (во всякомъ изданіи Пушкина) сразу найти то произведеніе, изъ котораго взято изреченіе.

Книга состоитъ изъ семи отдѣловъ: I отд. — *человѣкъ*; II отд. — *семья, общество, народъ*; III отд. — *государство* (здѣсь сгруппированы воззрѣнія Пушкина на верховную власть, законъ, цензуру, политическіе перевороты и приведены взгляды на Европу, Россію

и ихъ взаимныя отношенія); IV отд.— *литература, наука, религія*; V отд.— *характеристики* правителей, полководцевъ, государственныхъ дѣятелей, политическихъ авантюристовъ и писателей, русскихъ и иностранныхъ. Въ этомъ отдѣлѣ не приведена только характеристика Пугачева, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, пришлось бы выписывать всю «Исторію» бунта, чтò, конечно, было невозможно. VI отд.— *Пушкинъ о себѣ*; наконецъ VII отд.— *Послѣдніе дни А. С. Пушкина по разсказамъ очевидцевъ*. Считаю необходимымъ замѣтить, что при составленіи книги я руководствовался послѣднимъ московскимъ изданіемъ сочиненій поэта, 1882 г., подъ редакцію П. А. Ефремова. Передъ статьей же своей «Памяти Пушкина» я нашелъ вполне умѣстнымъ и цѣлесообразнымъ помѣстить извѣстное стихотвореніе Лермонтова: «Погибъ поэтъ, невольникъ чести».

Насколько съумѣлъ я выполнить мой трудъ — судить не мнѣ.

Составитель.

15 Ноября
1886 года.

ПАМЯТИ ЛУШКИНА.

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ;
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде — и убить!
Убить!... Къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ,
И жалкій лепетъ оправданья —
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы-ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ,
И для потѣхи возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ....
Что-жь? Веселитесь!... Онъ мученій
Послѣднихъ перенести не могъ.
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,

Увяль торжественный вѣнокъ!....
 Его убійца хладнокровно
 Навелъ ударъ — спасенья нѣтъ:
 Пустое сердце бьется ровно,
 Въ рукѣ не дрогнетъ пистолеть.
 И что за диво?... Издалека,
 Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
 На ловлю счастья и чиновъ
 Зброшенъ къ намъ по волѣ рока,
 Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
 Земли чужой языкъ и нравы:
 Не могъ щадить онъ нашей славы,
 Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
 На что онъ руку подымалъ!

* * *

И онъ погибъ и взятъ могилой,
 Какъ тотъ пѣвецъ невѣдомый, но милый,
 Добыча ревности нѣмой,
 Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,
 Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой.
 Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
 Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ завистливый и душный
 Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
 Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
 Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ —
 Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей!
 И прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнецъ терновый,
 Увитый лаврами, надѣли на него;
 Но иглы тайныя сурово

Язвили славное чело....

Отравлены его послѣднія мгновенья

Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ,

И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,

Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ....

Замолкли звуки дивныхъ пѣсень,

Не раздаваться имъ опять,

Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсень

И на устахъ его печать!

.

Лермонтовъ.

Въ такихъ сильныхъ и глубоко-прочувствованныхъ словахъ Лермонтовъ, какъ нельзя лучше, выразилъ всю тяжелую горечь утраты, понесенной литературой и обществомъ въ лицѣ безсмертнаго русскаго поэта — гордости и славы родной земли.

Да, Пушкинъ, вдохновенная лира котораго пробуждала въ насъ добрыя чувства, который живой прелестью своихъ стиховъ «милость къ падшимъ призывалъ» — дорогъ для каждаго, истинно любящаго свое отечество и желающаго ему процвѣтанія на пути его дальнѣйшаго историческаго развитія.

Главную характерную черту или художественную особенность творчества великаго поэта составляетъ — искренняя, трогательная любовь его ко всему русскому и вообще къ

складу русской народной жизни. Эта любовь была, такъ сказать, присуща его природѣ. — Еще ребенкомъ, слушая сказки и прибаутки своей доброй няни, Арины Родионовны, онъ плѣнился вымыслами «волшебной старины» и незатѣйливой мелодіей національныхъ напѣвовъ.

Почтенная старушка, безгранично любившая своего питомца, была, если можно такъ выразиться, первою его музою, первою вдохновительницею, возбудившею въ немъ своими рассказами стремленіе къ поэтическому творчеству. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній поэтъ прямо говоритъ:

Ты, дѣтскую качая колыбель,
 Мой юный слухъ напѣвами плѣнила
 И межъ пелень оставила свирѣль,
 Которую сама заворожила!..

Привязанность Пушкина къ нянѣ была такъ сильна, что, будучи уже взрослымъ, онъ часто бесѣдовалъ съ ней, какъ съ лучшимъ другомъ, которому повѣрялъ плоды своихъ «мечтаній и гармоническихъ затѣй».

Было время, когда говорили, что Пушкинъ — поэтъ однихъ только образовъ и формъ, что онъ только художникъ, рожденный «для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ и молитвъ». Мало того: нашлись критики, которые видѣли въ немъ лишь пѣвца любви, пировъ и наслажденій, совершенно игнорируя при этомъ тѣ произведенія поэта, въ которыхъ ярко и опредѣленно выразился его творческій геній, его серьезное міросозерцаніе. Даже такой, безспорно, талантливый, но увлекавшійся и парадоксальный критикъ,

какъ покойный Д. И. Писаревъ — и тотъ, къ сожалѣнiю, чрезвычайно странно отнесся къ Пушкину, объясняя значенiе его въ русской литературѣ.

Другой критикъ, незабвенный Бѣлинскiй, обладавшiй громаднымъ поэтическимъ чутьемъ и глубокою проникательностью, напротивъ, видѣлъ въ Пушкинѣ величайшаго русскаго художника, произведенiя котораго имѣютъ свойство — «развивать чувство гуманности, чувство безконечнаго уваженiя къ человѣческому достоинству».

По словамъ Бѣлинскаго, Пушкинъ былъ — «колоссъ, которому, придетъ время, само потомство воздвигнетъ вѣковѣчный памятникъ».

Критикъ не ошибся: потомство, хотя довольно поздно, почти черезъ полвѣка со времени смерти поэта, но отдало ему законную дань своего уваженiя, своей признательности.

Вѣковѣчный памятникъ уже готовъ, и, конечно, къ нему «не заростетъ народная тропа»: — «гордый внукъ славянъ, финнъ, дикiй тунгусъ и другъ степей — калмыкъ» узнаютъ и будутъ всегда помнить русскаго поэта — за то, что «чувства добрыя» онъ «лирой пробуждалъ».

Какiя именно «добрыя чувства» волновали возвышенную душу поэта — видно изъ превосходнѣйшаго его стихотворенiя «Деревня» (въ прежнихъ изданiяхъ — «Уединенiе»), въ которомъ онъ даетъ намъ яркую, смѣлую и мастерскую характеристику эпохи крѣпостнаго права. Онъ говоритъ:

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:

Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ

Другъ челоѳчества невольнo замѳчаетъ
 Вездѳ неѳжества губительный позоръ.
 Не видя слезъ, не внемля стона,
 На пагубу людей избранное судьбой
 Здѳсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
 Присвоило себѳ насильственной лозой
 И трудъ, и собственность, и время земледѳльца.
 Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
 Здѳсь рабство тощее влачится по браздамъ
 Неумолимаго владѳльца.
 Здѳсь тягостный яремъ до гроба всѳ влекутъ,
 Надеждъ и склонностей въ душѳ питать не смѳя,
 Здѳсь дѳвы юныя цвѳтуть
 Для прихоти развратнаго злодѳя;
 Опора милая старѳющихъ отцовъ,
 Младые сыновья, товарищи трудовъ,
 Изъ хижины родной идутъ собою множить
 Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.....

Эти дивныя слова вдохновеннаго поэта, проникнутыя чувствомъ глубокой патриотической скорби, были высказаны имъ въ двадцатыхъ годахъ нынѳшняго столѳтїя, когда еще никто не поднималъ своего голоса въ защиту «тощаго» рабства.

Пушкинѳ, чуткїй и отзывчивый на все честное и доброе, былъ первый изъ русскихъ писателей, заговорившїй о крѳпостномъ правѳ такъ прямо, такъ открыто, съ свойственнымъ ему благородствомъ и искреннимъ желанїемъ блага своему отечеству.

Все, что носило на себя печать невѣжества, тупости, беззаконія — было противно ему и омрачало его чистую душу.

Пушкинъ глубоко цѣнилъ и понималъ громадное значеніе свободнаго печатнаго слова, видя въ немъ залогъ лучшаго будущаго для своей дорогой родины.

«Что же и составляетъ величіе человѣка, какъ не мысль? говорилъ онъ. Да будетъ же она свободна, какъ долженъ быть свободенъ человѣкъ, т. е. въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ».

Чрезвычайно интересенъ взглядъ Пушкина на молодое поколѣніе его времени, откровенно высказанный имъ императору Николаю I: — «но надлежитъ защитить новое, возрастающее поколѣніе, еще ненаученное никакимъ опытомъ, и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкостью первой молодости, со всѣмъ его восторгомъ и готовностію принимать всякія впечатлѣнія».

Можно ли было мягче, гуманнѣе и сознательнѣе смотрѣть на молодежь, которую принялъ подъ свою защиту великій поэтъ?

Да, не однимъ только чистымъ художникомъ, рожденнымъ «для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ и молитвъ», былъ творецъ «Онѣгина» и «Бориса Годунова». Въ его чудныхъ стихахъ слышался откликъ на все прекрасное и возвышенное въ жизни, на все, что вызываетъ къ себѣ сочувствіе и любовь.

Въ поэзіи Пушкина выражается «одна характеристическая черта русскаго народа, черта, на которую можно

смотримъ какъ на задатокъ его будущаго величія — это какая-то необыкновенная сила, стремительность, высокій, широкій полетъ куда-то, къ какому-то идеалу». Великій Гоголь также подмѣтилъ эту черту русскаго національнаго характера. — «Русь, говоритъ онъ, куда же несешься ты? Дай отвѣтъ!... Не даетъ отвѣта... Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ, гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ и мчится вся вдохновенная Богомъ!...»

Вспоминая о Пушкинѣ, пожалѣемъ же о невозвратной и невознаградивой уtratѣ, понесенной Россіей въ лицѣ гениальнаго писателя и истиннаго гражданина родной земли.

А Сальниковъ.

А. С. ПУШКИНЪ

ВЪ

ЕГО ИЗРЕЧЕНІЯХЪ

И

ХАРАКТЕРИСТИКАХЪ.

ОТДѢЛЪ I.

Человѣкъ.

Общія понятія.—Совѣсть.—Сердце.—Любовь.—Надежда.—Счастіе.—
Радость.—Любопытство.—Привычка.—Слава.—Дружба.—Правда.—
Свобода.—Молодость.—Старость.—Глупость.—Умъ.—Эгоизмъ.—Пе-
дантизмъ —Скептицизмъ —Протекція.—Лесть.—Презрѣніе.—Нрав-
ственныя сентенціи.—Нравственное чувство.—Исключительные лю-
ди.—Терпимость.—Обычай.—Золотой вѣкъ.—Скука.—Страданіе.—
Смерть.

Вращается весь міръ вокругъ человѣка;
Ужель одинъ недвижимъ будетъ онъ?

См.—Была пора: нашъ праздникъ молодой.
(19 Октября 1836 г.)

На всѣхъ стихіяхъ человѣкъ—
Тиранъ, предатель или узникъ.

См. Письмо къ князю П. А. Вязем-
скому. 38.

Душа человѣка есть недоступное хранилище его помы-
словъ: если самъ онъ таитъ ихъ, то ни коварный глазъ

непріязни, ни предупредительный взоръ дружбы не могут проникнуть въ сіе хранилище. И какъ судить о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ? Онъ можетъ по произволу надѣвать на себя притворную личину порочности, какъ и добродѣтели. Часто, по какому либо своенравному убѣжденію ума своего, онъ можетъ выставлять на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія; часто можетъ бросать пыль въ глаза однѣми своими странностями.

См. Анекдотъ о Байронѣ.

Мы все глядимъ въ Наполеоны.

См. Евгенийъ Онѣгинъ. Глава вторая. XIV.

. Совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце, — совѣсть,
Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
Займодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ.

См. Скупои рыцарь Сцена вторая.

. Ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто. . . едина развѣ совѣсть—

Такъ здравая, она восторжествуетъ
 Надъ злобою, надъ темной клеветою;
 Но если въ ней единое пятно,
 Единое случайно завелось,
 Тогда бѣда: какъ язвой моровой
 Душа сгорить, нальется сердце ядомъ,
 Какъ молоткомъ стучить въ ухахъ упрекомъ,
 И все тошнить, и голова кружится,
 И мальчики кровавые въ глазахъ...
 И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
 Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не чиста.

См. Борисъ Годуновъ. Царскія палаты.

Сердце въ будущемъ живеть.

См. Если жизнь тебя обманетъ.

Въ порочномъ сердцѣ жизни нѣтъ...

См. Прелестницѣ (Штейнгель).

Для сердца нужно вѣрить.

См. Доридѣ (Подражаніе А. Шенье).

Лишь вѣра въ тишинѣ отрадою своей
 Живить унылый духъ и сердца ожиданье.

См. Безвѣріе.

Ничто

Такъ не печалить насъ среди веселій
Какъ томный, сердцемъ повторенный звукъ.

См. Пиръ во время чумы.

Мгновенно сердце молодое
Горить и гаснетъ. Въ немъ любовь
Проходитъ и приходитъ вновь,
Въ немъ чувство каждый день иное.
Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылаетъ сердце старика,
Окаменѣлое годами.
Упорно, медленно оно
Въ огнѣ страстей раскалено;
Но поздній жаръ ужъ не остынетъ
И съ жизнью лишь его покинетъ.

См. Полтава. Пѣснь первая.

Оставь герою сердце! Что же
Онъ будетъ безъ него? тиранъ!

См. Герой.

Геній и злодѣйствъ—
Двѣ вещи несовмѣстныя.

См. Моцартъ и Сальери. Сцена вторая.

Кто разъ любилъ, ужъ не полюбитъ вновь.

См. Къ ***—Не спрашивай, зачѣмъ
унылой думой.

Какъ тяжело мертвыми устами
Живымъ лобзаньямъ отвѣчать,
И очи, полныя слезами,
Улыбкой хладною встрѣчать!..

См. Кавказскій плѣнникъ. Часть вторая.

Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ веселій.

См. Цыганы.

Кто въ силахъ удержать любовь?

См. Тамъ же.

Ничто такъ не воспламеняетъ любви, какъ одобри-
тельное замѣчаніе посторонняго; любовь слѣпа и, не довѣря
самой себѣ, торопливо хватается за всякую опору.

См. Арапъ Петра Великаго. Глава первая.

Любовь — мелодія.

См. Каменный гость. Сцена вторая.

Любовь есть самая своенравная страсть.

См. Критическія замѣтки. (Октябрь
и Ноябрь 1830 г.).

Любви все возрасты покорны;
Но юнымъ, дѣвственнымъ сердцамъ
Ея порывы благотворны,
Какъ бури вешнія полямъ.
Въ дождь страстей они свѣжѣютъ,
И обновляются, и зрѣютъ —
И жизнь могучая даетъ
И пышный цвѣтъ, и сладкій плодъ.
Но въ возрастъ поздній и бесплодный,
На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
Печалень страсти мертвой слѣдъ:
Такъ бури осени холодной
Въ болото обращаютъ лугъ
И обнажаютъ лѣсъ вокругъ.

См. Евгеній Овѣгинъ. Глава вось-
мая. XXIX.

Надежда — не иное что, какъ хорошенькая женщина,
которая обходится съ нами, какъ съ стариками-мужьями.

См. Письмо къ А. П. Кернъ. 7.

Кто счастье зналъ, ужъ не узнаеть счастья.

См. Къ ***.— Не спрашивай, зачѣмъ
унылой думой.

Блаженство состоитъ въ спокойствіи духа, не возму-
щаемаго ни завистью, ни корыстолюбіемъ; въ чистой со-
вѣсти, не запятнанной ни плутнями, ни доносами; въ чест-
номъ и благоразумномъ трудѣ; въ смиренномъ развитіи
дарованія, даннаго отъ Бога.

См. Нѣсколько словъ о мизинцѣ г.
Булгарина и о прочемъ.

. Нѣтъ на свѣтѣ
Блаженства прочнаго: ни знатный родъ,
Ни красота, ни сила, ни богатство,
Ничто бѣды не можетъ миновать.

См. Русалка. Сцена первая.

Не всякаго полюбить счастье,
Не всѣ родились для вѣнцовъ.

См. Жуковскому.— Когда къ мечта-
тельному міру.

Сочувствовать счастью можетъ только очень безкорыс-
тная и благородная душа.

См. Письмо къ П. А. Осиповой. 12.

Чредою всѣмъ дается радость;
 Чтò было, то не будетъ вновь.

См. Цыганы.

О, люди! всѣ похожи вы
 На прародительницу Еву:
 Чтò вамъ дано, то не влечетъ;
 Васъ непрестанно змій зоветъ
 Къ себѣ, къ таинственному древу;
 Запретный плодъ вамъ подавай,
 А безъ того вамъ рай не рай.

См. Евгений Онегинъ. Глава восьмая. XXVII.

Привычка свѣше намъ дана—
 Замѣна счастью она.

См. Тамъ же. Глава вторая. XXXI.

Чтò слава? Шопотъ ли чтеца?
 Гоненье-ль низкаго невѣжды?
 Иль восхищеніе глупца?

См. Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ.

Чтò слава? Яркая заплата
 На ветхомъ рубищѣ пѣвца.

См. Тамъ же.

Скажи мнѣ, что такое слава?—
 Могильный гуль, хвалебный гласъ,
 Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
 Или подъ сѣнью дымной кущи
 Цыгана дикаго разсказъ?

См. Цыганы.

Что слава міра? Дымъ и прахъ.

См. Н. Н. При посылкѣ ей Невскаго
 альманаха.

А слава... лучъ ея случайный
 Неуловимъ.

См. Сцена изъ Фауста.

Да, слава въ прихотяхъ вольна:
 Какъ огненный языкъ, она
 По избраннымъ главамъ летаетъ;
 Съ одной сегодня исчезаетъ
 И на другой уже видна.

См. Герой.

Уваженіе наше къ славѣ происходитъ, можетъ быть,
 отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ.

См. Путешествіе въ Арзрумъ. Глава вторая.

Что дружба? Легкій пылъ похмѣлья,
Обиды вольный разговоръ,
Обмѣнъ тщеславія, бездѣлья,
Иль покровительства позоръ.

См. Дружба.

Всегда такъ будетъ и бывало,
Таковъ издревле бѣлый свѣтъ:
Ученыхъ много, умныхъ мало,
Знакомыхъ тьма, а друга нѣтъ.

См. Всегда такъ будетъ.

Враговъ имѣеть въ мірѣ всякъ,
Но отъ друзей спаси насъ, Боже!

См. Евгенийъ Онѣгинъ. Глава четвертая. XVIII—XIX.

Да будетъ проклять правды свѣтъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно! Нѣтъ,
Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

См. Герой.

Безъ денегъ и свободы нѣтъ.

См. Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ.

Но не всегда мила свобода
Тому, кто къ нѣгѣ приучень.

См. Цыганы.

Мысль—великое слово! Что-жъ и составляетъ величiе
человѣка, какъ не мысль? Да будетъ же она свободна,
какъ долженъ быть свободенъ человѣкъ: въ предѣлахъ
закона, при полномъ соблюденiи условiй, налагаемыхъ
обществомъ.

См. Мысли на дорогѣ. Торжокъ
(Возраженiя на книгу Радищева).

Въ младыя лѣта розы намъ
Дороже лавровъ Геликона.

См. Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ.

Вольнѣе птицы младость!

См. Цыганы.

Молодость — великiй чародѣй.

См. Русскiй Пеламъ. (Записки М.)

Недостатокъ смѣлости менѣе всего извиняется моло-
дыми людьми, которые въ храбрости обыкновенно видятъ

верхъ человѣческихъ достоинствъ и извиненіе всевозможныхъ пороковъ.

См. Повѣсти Бѣлкина. Выстрѣль.—I.

Все чередой идетъ опредѣленной,
 Всему пора, всему свой мигъ:
 Смѣшонъ и вѣтреныи старикъ,
 Смѣшонъ и юноша степенный.

См. Къ П. П. Каверину.—Забудь, любезный мой Каверинъ.

Но старость ходить осторожно
 И подозрительно глядить:
 Чего нельзя и что возможно,
 Еще не вдругъ она рѣшить.

См. Полтава. Пѣснь первая.

Должно стараться имѣть большинство голосовъ на своей сторонѣ: не оскорбляйте же глушцовъ.

См. Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія.

Первый признакъ умнаго человѣка—съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣеть дѣло.

См. Письмо къ А. А. Бестужеву. 7.

Тонкость не доказываетъ еще ума. Глушцы и даже сумасшедшіе бываютъ удивительно тонки. Тонкость рѣдко соединяется съ гениемъ, обыкновенно простодушнымъ, и съ великимъ характеромъ, всегда откровеннымъ.

См. Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія.

У каждаго свой умъ и толкъ.

См. Евгений Онѣгинъ. Глава первая. LI.

Онъ чиномъ отъ ума избавленъ.

См. Тамъ же. Альбомъ Онѣгина. 10.

Слыхаль я истину бывало:
Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!

См. Русланъ и Людмила. Пѣснь третья.

Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ
И думать о красѣ ногтей.

См. Евгений Онѣгинъ. Глава первая. XXV.

. . . Жалокъ тотъ, кто все предвидить,
 Чья не кружится голова,
 Кто всѣ движенья, всѣ слова
 Въ ихъ переводѣ ненавидить,
 Чье сердце опытъ остудилъ
 И забываться запретилъ!

См. Тамъ же. Глава четвертая. LI.

Чѣмъ болѣе мы холодны, расчетливы, осмотрительны, тѣмъ менѣе подвергаемся нападеніямъ насмѣшки. Эгоизмъ можетъ быть отвратительнымъ, но онъ не смѣшонъ, ибо отмѣнно благоразуменъ. Однако есть люди, которые любятъ себя съ такою нѣжностью, удивляются своему генію съ такимъ восторгомъ, думаютъ о своемъ благосостояніи съ такимъ умиленіемъ, о своихъ неудовольствіяхъ съ такимъ состраданіемъ, что въ нихъ и эгоизмъ имѣетъ всю смѣшную сторону энтузіазма и чувствительности.

См. Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія.

Педантизмъ имѣетъ свою хорошую сторону. Онъ только тогда смѣшонъ и отвратителенъ, когда мелкомысліе и невѣжество выражаются его языкомъ.

См. Тамъ же.

Сомнѣнья — намъ враги.

См. Анджело. Часть первая. VIII.

Скептицизмъ во всякомъ случаѣ есть только первый шагъ умствования. 9

См. Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія.

Ничто такъ не позорить человѣка, какъ протекція.

См. Письмо къ А. Н. Казначееву. 2.

Лъстецы, лъстецы! старайтесь сохранить
И въ самой подлости отѣнокъ благородства.

См. Сказали разъ царю...

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей.

См. Евгенийъ Онѣгинъ. Глава первая. XLVI.

Нравственныя поговорки бываютъ удивительно полезны
въ тѣхъ случаяхъ, когда мы отъ себя мало что можемъ
выдумать себѣ въ оправданіе.

См. Повѣсти Бѣлкина. Метель.

Человѣческая природа, въ самомъ гнусномъ своемъ униженіи, все еще сохраняетъ благоговѣніе передъ понятіями, священными для человѣческаго рода.

См. О запискахъ Видока.

Нравственное чувство, какъ и талантъ, дается не всякому.

См. Миѣніе М. А. Лобанова о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной.

Исключительные люди, по большей части, самолюбивы, безпокойны, невѣжественны, упрямы. Они не терпятъ противорѣчія, никогда не прощаютъ неуваженія; они легко увлекаются пышными словами, охотно повторяютъ всякую новость, и къ ней привыкнувъ, уже не могутъ съ нею разстаться.

См. Письмо къ А. Н. Раевскому. 3.

Терпимость равнодушна.

См. Борисъ Годуновъ. Краковъ. Домъ Вишневецкаго.

Обычай—деспотъ межъ людей.

См. Евгеній Онѣгинъ. Глава первая. XXV.

Мысль о золотомъ вѣкѣ сродна всѣмъ народамъ и доказываетъ только, что люди никогда не довольны настоящимъ.

См. Исторія села Горохина. (Баснословныя времена. Староста Трифонъ).

Вся тварь разумная скучаетъ:
 Иной отъ лѣни, тотъ отъ дѣлъ;
 Кто вѣритъ, кто утратилъ вѣру;
 Тотъ насладиться не успѣлъ,
 Тотъ насладился черезъ мѣру.

См. Сцена изъ Фауста.

Страдать — есть смертнаго удѣлъ.

См. Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ.

Не властны мы въ судьбѣ своей.

См. Въ альбомъ А. Д. Илличевскому.

Нашъ вѣкъ — невѣрный день.

См. Безвѣріе.

Смерть — быстрое затмѣнье.

См. Тамъ же.

Что чувство смерти? Мигъ. И много ли терпѣть?
 Раздавленный червякъ при смерти терпитъ то же,
 Что терпитъ великанъ.

См. Анджело. Часть вторая. VI.

ОТДѢЛЪ II.

Семья. Общество. Народъ.

Характерная особенность русской семьи. — Бракъ. — Женщина. — Наши непривлекательныя стороны. — Дворянство. — Уваженіе къ предкамъ. — Квасной патриотизмъ. — Чины. — Духовенство. — Сословная честь. — Воспитаніе и образованіе въ Россіи. — Свѣтскій кругъ. — Этикетъ. — Отличительныя черты національнаго характера.

Несчастіе жизни семейственной есть отличительная черта въ нравахъ русскаго народа. Шлюсь на русскія пѣсни: обыкновенное ихъ содержаніе — или жалобы красавицы, выданной замужъ насильно, или упреки молодого мужа постылой женѣ.

См. Мысли на дорогѣ. Черная Грязь.
(Возраженія на книгу Радищева).

. Кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тотъ стой одинъ передъ грозою,
Не призывай къ себѣ жены:
Въ одну телѣгу впрячь не можно
Коня и трепетную лань.

См. Полтава. Пѣснь вторая.

Но жена — не рукавица:
Съ бѣлой ручки не стряхнешь,
Да за поясъ не заткнешь.

Сказка о царѣ Салтанѣ.

Законная жена—родъ теплой шапки съ ушами. Голова
вся въ нее уходитъ.

См. Письмо къ князю П. А. Вязем-
скому. 35.

Бракъ холодитъ душу.

См. Тамъ же.

Жениться—легко сказать! Большая часть людей ви-
дятъ въ женитьбѣ шали, взятыя въ долгъ, новую карету
и розовый шлафрокъ, другіе приданое и степенную жизнь,
третьи женятся такъ—потому что всѣ женятся, потому
что имъ тридцать лѣтъ. Спросите ихъ, что такое бракъ—
они скажутъ вамъ пошлую эпиграмму.

См. Съ французскаго.—Участь моя рѣшена.

Тѣ, кои правду возлюбя,
На темномъ сердца днѣ читали,
Конечно, знаютъ про себя,
Что если женщина въ печали,
Сквозь слезъ, украдкой, какъ нибудь,
На зло привычкѣ и разсудку,
Забудеть въ зеркало взглянуть—
То грустно ей ужъ не на шутку.

См. Русланъ и Людмила. Пѣснь вторая.

Не долго женскую любовь
Печалить хладная разлука —

Пройдетъ любовь, настанетъ скука,
Красавица полюбитъ вновь.

См. Кавказскій плѣнникъ. Часть вторая.

.... Сердце женщинъ славы просить.

См. Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ.

Не только первый пухъ ланить,
Да русы кудри молодья,
Порой и старца строгій видъ,
Рубцы чела, власы сѣдые
Въ воображенъе красоты
Влагаютъ страстныя мечты.

См. Полтава. Пѣснь первая.

Кокетка судить хладнокровно.

См. Евгеній Онѣгинъ. Глава третья. XXV

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ
Иль при разъѣздѣ на крыльцѣ
Съ семинаристомъ въ желтой шалѣ
Иль съ академикомъ въ чепцѣ!...

См. Тамъ же. XXVIII.

.... Милый полъ, какъ пухъ, легокъ.

См. Тамъ же. Глава четвертая. XXI.

Первый обожатель возбуждаетъ чувствительность женщины, прочіе бываютъ едва замѣчены. Такъ въ началѣ сраженія первый раненый производитъ болѣзненное впечатлѣніе и истощаетъ состраданіе наше.

См. Замѣтки при чтеніи книгъ. I.
Мелкія отмѣтки.

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей.

См. Евгенийъ Онѣгинъ. Глава четвертая. VII.

Вѣтренность всегда жестока, и всѣ вы, барыни, вертятся головы какъ ни попало, въ восхищеніи отъ сознанія, что есть душа страждущая вамъ во славу и честь.

См. Письмо къ А. П. Кернъ. 1.

У женщинъ нѣтъ характера; у нихъ страсти въ ихъ молодости.

См. Письмо къ Н. Н. Раевскому. 1

Что ни говори, а любовь безъ надеждъ и требованій трогаетъ сердце женское вѣрнѣе всѣхъ расчетовъ самолюбія.

См. Арапъ Петра Великаго. Глава первая.

Долгая печаль не въ природѣ человѣческой, особенно женской.

См. Тамъ же. Глава третья.

Одна дама сказывала мнѣ, что если мужчина начинаетъ съ нею говорить о предметахъ ничтожныхъ, какъ бы приноравливаясь къ слабости женскаго понятія, то въ ея глазахъ онъ тотчасъ обличаетъ свое незнаніе женщинъ. Въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно ли почитать женщинъ, которыя такъ часто поражаютъ насъ быстротою понятія и тонкостію чувства и разума, существами низшими въ сравненіи съ нами? Это особенно странно въ Россіи, гдѣ царствовала Екатерина II и гдѣ женщины вообще болѣе просвѣщены, болѣе читаютъ, болѣе слѣдуютъ за европейскимъ ходомъ вещей, нежели мы, гордые, Богъ вѣдаетъ почему?

См. Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія.

Женщины вездѣ тѣ же. Природа, одаривъ ихъ тонкимъ умомъ и чувствительностью самой раздражительною, едва ли не отказала имъ въ чувствѣ изящнаго. Поэзія скользитъ по слуху ихъ, не досягая души; онѣ без-

чувственны къ ея гармоніи; примѣчайте, какъ онѣ поютъ модные романсы, какъ искажаютъ стихи самые естественные, разстроиваютъ мѣру, уничтожаютъ риѳму. Вслушайтесь въ ихъ литературныя сужденія, и вы удивитесь кривизнѣ и даже грубости ихъ понятія... Исключенія рѣдки.

См. Тамъ же.

Coquette, prude. Слово *кокетка* обрусѣло, но *prude* не переведено и не вошло еще въ употребленіе. Слово это означаетъ женщину, чрезмѣрно щекотливую въ своихъ понятіяхъ о чести (женской)—недотрогу. Таковое свойство предполагаетъ нечистоту воображенія, отвратительную въ женщинѣ, особенно молодой. Пожилыя женщинѣ позволяется многое знать и многого опасаться; но невинность есть лучшее украшеніе молодости. Во всякомъ случаѣ, *прюдство* или смѣшно, или несосно.

См. Тамъ же.

Тайна, какого рода ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу.

См. Повѣсти Бѣлкина. Метель.

Въ столицахъ женщины получаютъ, можетъ быть, лучшее образованіе; но навыкъ свѣта скоро сглаживаетъ

характеръ и дѣлаетъ души столь же однообразными, какъ и головные уборы.

См. Тамъ же. Барышня-крестьянка.

Дѣвушка, выросшая подъ яблонями, воспитанная между скирдами, природой и нянюшками, гораздо милѣе нашихъ однообразныхъ красавицъ, которыя до свадьбы придерживаются мнѣнія маменекъ, а послѣ свадьбы — мнѣнія мужей.

См. Отрывки изъ романа въ письмахъ. X. Второе письмо Владиміра Z къ другу въ Петербургъ.

Зрѣлости нѣтъ у насъ на сѣверѣ; мы или сохнемъ или гниемъ.

См. Письмо къ князю П. А. Вяземскому. 33.

Мы лѣнны и нелюбопытны...

См. Путешествіе въ Арзрумъ. Глава вторая.

Мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ.

См. О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности.

Россія слишкомъ мало извѣстна русскимъ.

См. Записка о народномъ воспитаніи, представленная А. С. Пушкинымъ императору Николаю Павловичу въ 1826 году.

И безъ прискорбія никогда не могъ видѣть униженія нашихъ историческихъ родовъ. Никто у насъ ими не дорожить, начиная съ тѣхъ, которые имъ принадлежатъ. И какой гордости воспоминаній ожидать отъ народа, который пишетъ на памятникахъ: «Гражданину Минину и князю Пожарскому»? Какой князь Пожарскій? Чтò такое гражданинъ Мининъ? Былъ у насъ окольный князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій и былъ Козьма Миничъ Сухорукой, выборный земли русской. Но отечество забыло даже настоящія имена своихъ избавителей. Прощедшее для насъ не существуетъ. Образованный французъ или англичанинъ дорожить строкою стараго лѣтописца, въ которой упоминается имя его предка, честнаго рыцаря, падшаго въ такой-то битвѣ, или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины, но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ. И у насъ иной потомокъ болѣе дорожить звѣздою двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторією своего дома, т. е. исторією отечества.

См. Отрывки изъ романа въ письмахъ. Письмо Владиміра З.

Древнее русское дворянство у насъ въ неизвѣстности и составило родъ третьяго сословія. Благородная чернь считаетъ между своими родоначальниками Рюрика и Мономаха, но настоящая наша аристократія съ трудомъ можетъ назвать и своего дѣда. Древніе роды ихъ восходятъ до Петра и Елизаветы. Деньщики, пѣвчіе, хохлы— вотъ ихъ родоначальники, будь сказано не въ укоръ ихъ достоинствамъ. (Достоинство— всегда достоинство, и государственная польза требуетъ его возвышенія. Смѣшно только видѣть въ ничтожныхъ внукахъ спѣсь какого-нибудь Монморанси, перваго христіанскаго барона).

См. Разговоръ вечеромъ на раутѣ.
Первая мысль стихотворенія: «Моя родословная».

У насъ нова рожденьемъ знатность;
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.

См. Моя родословная или русскій мѣщанинъ.

Уваженіе къ именамъ, освященнымъ славою, не есть подлость, но первый признакъ ума просвѣщеннаго. Позорить ихъ дозволяется токмо вѣтреному невѣжеству, какъ нѣкогда, по указу эфоровъ, однимъ хіосскимъ жителямъ дозволено было пакостить всенародно.

См. Объ исторіи русскаго народа,
Полеваго. Статья I.

Гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушіе.

См. Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія.

Неуваженіе къ именамъ, освященнымъ славою, къ несчастію, почитается у насъ не только дозволеннымъ, но еще и похвальнымъ удалствомъ.

См. Мнѣніе М. А. Лобанова о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной.

Нѣкоторые люди не заботятся ни о славѣ, ни о бѣдствіяхъ отечества, его исторію знаютъ только со времени князя Потемкина, имѣютъ нѣкоторое понятіе о статистикѣ только той губерніи, въ которой находятся ихъ помѣстья; со всѣмъ тѣмъ почитаютъ себя патриотами, потому что любятъ ботвинью и что дѣти ихъ бѣгаютъ въ красной рубашкѣ.

См. Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія.

Чины сдѣлались страстію русскаго народа. Того хотѣлъ Петръ Великій, того требовало тогдашнее состояніе Россіи. Въ другихъ земляхъ молодой человѣкъ кончаетъ курсъ ученія около 25 лѣтъ; у насъ онъ торопится вступить какъ можно ранѣе въ службу, ибо ему необходимо

30-ти лѣтъ быть полковникомъ или коллежскимъ совѣтникомъ.

См. Записка о народномъ воспитаніи, представленная А. С. Пушкинымъ императору Николаю Павловичу въ 1826 году.

Въ Россіи вліяніе духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно въ земляхъ римско-католическихъ. Тамъ оно, признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое отъ гражданскихъ законовъ, и вѣчно полагало суетвѣрныя преграды просвѣщенію. У насъ, напротивъ, завися, какъ и всѣ прочія состоянія, отъ единой власти, но огражденное святыней религіи, оно всегда было посредникомъ между народомъ и государемъ. Мы обязаны монахамъ нашею исторіею, слѣдственно и просвѣщеніемъ.

См. Историческія замѣчанія.

Духовенство, пощаженное удивительною сметливостью татаръ, одно, въ теченіе двухъ мрачныхъ столѣтій, питало искру образованности. Въ безмолвіи монастырей иноки вели свою непрерывную лѣтопись; архіереи въ посланіяхъ своихъ бесѣдовали съ князьями и боярами, утѣшая сердца въ тяжкія времена искушеній и безнадёжности.

См. О старой русской словесности съ очеркомъ французской. Плотниковъ.

Всякое состояніе имѣть свою честь и выгоду.

См. Сцены изъ рыцарскихъ временъ. I.

Позволяется и нужно нападать на пороки и слабости каждаго сословія, но смѣяться надъ сословіемъ, потому только, что оно такое сословіе, а не другое—нехорошо и непозволительно.

См. Разговоръ. О выходкахъ противъ литературной аристократіи.

Въ Россіи домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, самое безнравственное. Ребенокъ видитъ гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести. Воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ нибудь нанятымъ учителемъ. Воспитаніе въ частныхъ пансіонахъ немногимъ лучше.

См. Записка о народномъ воспитаніи, представленная А. С. Пушкинымъ императору Николаю Павловичу въ 1826 году.

Чувство приличія зависитъ отъ воспитанія и другихъ обстоятельствъ. Люди свѣтскіе имѣютъ свой образъ мыслей, свои предразсудки, непонятные для другой касты. Ка-

кимъ образомъ растолкуете вы мирному алеуту поединокъ двухъ французскихъ офицеровъ? Щекотливость ихъ покажется ему чрезвычайно странною, и онъ чуть ли не будетъ правъ.

См. О статьяхъ кн. Вяземскаго.

Надлежитъ защитить новое, возрастающее поколѣнiе, еще ненаученное никакимъ опытомъ и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкостью первой молодости, со всѣмъ ея восторгомъ и готовностію принимать всякія впечатлѣнія.

См. Записка о народномъ воспитаніи, представленная А. С. Пушкинымъ императору Николаю Павловичу въ 1826 году.

Наказывать юношу или взрослого человѣка за вину отрока—есть дѣло ужасное и, къ несчастью, слишкомъ у насъ обыкновенное.

См. Тамъ же.

Мы всѣ учились понемногу,
Чемунибудь и какънибудь.

См. Евгенийъ Онѣгинъ. Глава первая. V.

Бывало, храбрый генералъ
Служилъ—и грамотѣ не зналъ.

См. Тамъ же. Строфы, не вошедшія
въ поэму.

Намъ просвѣщенъе не пристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство—больше ничего.

См. Тамъ же. Глава вторая. XXIV.

✓ Церковь и при ней школа полезнѣе колонны съ орломъ
и длинною надписью, которой безграмотный мужикъ нашъ
долго не разберетъ.

См. Отрывки изъ дневника.

Всѣ жалуются у насъ на недостатокъ разговора, но о
чемъ говорить? О политикѣ, о литературѣ; но политика
и литература для нихъ не существуетъ *). Остроуміе давно
въ опалѣ, какъ признакъ легкомыслія. О чемъ же ста-
нутъ они говорить? О самихъ себѣ. Нѣтъ, для этого они
слишкомъ хорошо воспитаны. Остается имъ разговоръ
какой-то домашній, мелочной, понятный только для не-
многихъ, для избранныхъ. И человѣкъ, не принадлежа-
щій къ этому малому кругу, принять какъ чужой, не
только иностранецъ, но и свой. Между тѣмъ всѣ чув-
ствуютъ необходимость разговора общаго, но гдѣ его

*) Рѣчь идетъ о свѣтскомъ обществѣ.

взять? И кто захочет выступить первый на сцену? Кто-то предлагалъ нанимать на вечеръ разговорщика, какъ нанимають на маленькіе балы фортепіаниста.

См. Разговоръ вечеромъ на раутѣ.
Первая мысль стихотворенія: «Моя родословная».

Легкомысленный свѣтъ беспощадно гонитъ на самомъ дѣлѣ то, что дозволяетъ въ теоріи.

См. Арапъ Петра Великаго. Глава вторая.

Свѣтскій человѣкъ легко жертвуетъ своими наслажденіями и даже тщеславіемъ—лѣни и благоприличію.

См. Пять подготовительныхъ отрывковъ къ «Египетскимъ ночамъ». II.
Гости съѣзжались на дачу.

Но свѣтъ Жестокихъ осужденій
Не измѣняетъ онъ своихъ:
Онъ не караетъ заблужденій,
Но тайны требуетъ для нихъ.
Достойны равнаго презрѣнья
Его тщеславная любовь
И лицемѣрные гоненья.

См. Къ***. Когда твои младыя лѣта

Предполагать униженіе въ обрядахъ, установленныхъ этикетомъ, есть просто глупость. Англійскій лордъ, представляясь своему королю, становится на колѣна и цѣлуетъ ему руку. Это не мѣшаетъ ему быть въ оппозиціи, если онъ того хочетъ. Мы всякій день подписываемся *покорнѣйшими слугами* — и, кажется, никто изъ этого еще не заключалъ, чтобъ мы просились въ каммердинеры.

Этикетъ есть также законъ.

См. Мысли на дорогѣ. Этикетъ. (Возраженія на книгу Радищева.)

Недоброжелательство—черта нашихъ нравовъ. Въ народѣ выражается она насмѣшливостью, въ высшемъ кругу—невниманіемъ и холодностью.

См. Разговоръ вечеромъ на раутѣ. Первая мысль стихотворенія: „Моя родословная“.

Взгляните на русскаго крестьянина: есть ли и тѣнь рабскаго униженія въ его поступи и рѣчи? О его смѣлости и смыслености и говорить нечего. Переимчивость его извѣстна; проворство и ловкость удивительны. Путешественникъ ѣздитъ изъ края въ край по Россіи, не зная ни одного слова по-русски, и вездѣ его понимаютъ, исполняютъ его требованія, заключаютъ съ нимъ условія. Никогда не встрѣтите вы въ нашемъ народѣ того, что

французы называют un badaud; никогда не замѣтите въ немъ ни грубаго удивленія, ни невѣжественнаго презрѣнія къ чужому.

См. Мысли на дорогѣ. Русская изба.
(Возраженія на книгу Радищева.)

Отличительная черта въ нашихъ нравахъ есть какое-то веселое лукавство ума, насмѣшливость и живописный способъ выражаться.

См. О предисловіи Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова.

Враговъ мы въ прахъ не топтали.

См. Бородинская годовщина.

ОТДѢЛЪ III.

Государство.

Законъ.—Цензура.—Дипломатія.—Верховная власть.—Политическіе перевороты.—Divide et impera.—Европа и Россія.—Москва.

Законъ постигаетъ одни преступленія, оставляя слабости и пороки на совѣсть cadaго.

См. Миѣніе М. А. Лобанова о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной.

Законъ не только наказываетъ, но и предупреждаетъ. Это даже его благодѣтельная сторона.

См. Мысли на дорогѣ. Торжокъ. (Возраженія на книгу Радищева).

Нелѣпое, если оно просто нелѣпо, а не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго вѣрѣ, правительству, нрав-

ственности и чести личной, не подлежит уничтоженію цензуры. Нелѣпость, какъ и глупость, подлежитъ осмѣянію общества и не вызываетъ на себя дѣйствія закона. Цензура—не докучливая нянька, слѣдующая по пятамъ шаловливыхъ ребятъ.

См. Миѣніе М. А. Лобанова о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной.

Будь строгъ, но будь уменъ. Не просить у тебя,
 Чтобъ все законныя преграды истребя,
 Все мыслить, говорить, печатать безопасно
 Ты нашимъ господамъ позволилъ самовластно.
 Права свои храни по долгу своему;
 По скромной истинѣ, но мирному уму
 И даже глупости невинной и довольной,
 Не заграждай пути заставой своевольной.
 И если ты въ плодахъ досужаго пера
 Порою не найдешь великаго добра,
 Когда не видишь въ нихъ безумнаго разврата,
 Престоловъ, алтарей и нравовъ сушестата,
 То, славы автору желая отъ души,
 Махни, мой другъ, рукой и смѣло подпиши.

См. Второе посланіе цензору.

Дипломатія не что иное, какъ искусство знать о томъ, что дѣлается у другихъ, и разрушать изъ замыслы.

См. Письмо къ барону Геккерну.

Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

См. Борисъ Годуновъ. Царскія палаты.

. Ни царская корона,
 Ни мечъ намѣстника, ни бархатъ судиѣ,
 Ни полководца жезлъ — всѣ почести сіи —
 Земныхъ властителей ничто не украшаетъ
 Какъ милосердіе. Оно ихъ возвышаетъ.

См. Анджею. Часть первая. X.

Народъ не долженъ привыкать къ царскому лицу, какъ обыкновенному явленію. Расправа полицейская должна одна вмѣшиваться въ волненія площади и царскій голосъ не долженъ угрожать ни картечью, ни кнутомъ. Царю не должно сближаться лично съ народомъ. Чернь переставеть скоро бояться таинственной власти и начнеть тщеславиться своими сношеніями съ государемъ. Скоро въ своихъ мятежахъ она будетъ требовать появленія его, какъ необходимаго обряда. Таковыя разговоры неприличны, а пренія площадныя превращаются тотчасъ въ ревъ и вой голоднаго звѣря. Россія имѣеть 12,000 верстъ въ ширину. Государь не можетъ явиться вездѣ, гдѣ можетъ вспыхнуть мятежъ.

См. Изъ записной книжки.

Но власть верховная не терпитъ слабыхъ рукъ.

См. Анджело. Часть первая. I.

Живая власть для черни ненавистна:
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.

См. Борисъ Годуновъ. Царскія палаты.

Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожить сердце наше.

См. Тамъ же.

Всегда народъ къ смятенью тайно склоненъ:
Такъ борзый конь грызетъ свои бразды;
На власть отца такъ отрокъ негодуетъ.

См. Тамъ же. Москва. Царскія палаты.

Но надлежитъ народную молву
Изслѣдовать прилежно и безстрастно.

См. Тамъ же. Царская дума.

Привычка — душа державъ.

См. Тамъ же. Москва. Царскія палаты.

Лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ улучшенія нравовъ, безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній.

См. Капитанская дочка. Глава VI

Тѣ, которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты, или молоды и не знаютъ нашего народа, или ужь люди жестокосердые, коимъ и своя шея копѣйка, и чужая головушка — полушка.

См. Тамъ же. Дополненіе къ главѣ XIII.

Не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, безсмысленный и беспощадный.

См. Тамъ же. Глава XIII.

Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчить, потупя очи долу.

См. Друзьямъ. Нѣтъ, я не льстецъ.

Divide et impera — есть правило государственное, не только Макиавелическое.

См. Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія.

Европа, въ отношеніи Россіи, всегда была столь же невѣжественна, какъ и неблагодарна.

См. О старой русской словесности съ очеркомъ французской. III отрывокъ

Сильна ли Русь? — Война и морь,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ
Ее, бѣснуясь, потрясали —
Смотрите-жь: все стоитъ она!

См. Бородинская годовщина.

Москва . . . какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

См. Евгенийъ Онегинъ. Глава седьмая. XXXVI

Тамъ русскій духъ . . . тамъ Русью пахнетъ!..

См. Русланъ и Людмила. — Прологъ.

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племень, нарѣчій, состояній!

См. Братья разбойники.

Что́ нужно Лондону, то рано для Москвы.

См. Первое посланіе цензору.

Упадокъ Москвы есть неминуемое слѣдствіе возвышенія Петербурга. Двѣ столицы не могутъ въ равной степени процвѣтать въ одномъ и томъ же государствѣ, какъ два сердца не существуютъ въ тѣлѣ человѣчскомъ.

См. Мысли на дорогѣ Москва. (Возраженія на книгу Радищева.)

ОТДѢЛЪ IV.

Литература, наука, религія.

Вдохновеніе.—Прекрасное.—Родной языкъ.—Старая словесность.—
Народность.—Поэзія.—Безнравственныя сочиненія.—Цѣль худо-
жества.—Поэты.—Общія замѣчанія о писателяхъ: односторонность;
неумѣнье изображать физическія движенія страстей; значеніе писа-
теля въ обществѣ и государствѣ; великіе писатели.—Наука и ученые.—
Переводчики.—Критики.—Литературный вкусъ.—Талантъ.—Его от-
ношеніе къ генію.—Литература, какъ профессія.—Религіозныя
воззрѣнія.

Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему
принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдствен-
но и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геомет-
ріи, какъ и въ поэзіи.

См. О вдохновеніи и восторгѣ.

Искать вдохновенія всегда казалось мнѣ смѣшной и
нелѣпой причудою: вдохновенія не сыщешь; оно само
должно найти поэта.

См. Путешествіе въ Арарумъ.—Предисловіе.

Для вдохновенія нужно сердечное спокойствіе.

См. Письмо къ П. А. Плетневу. 17.

Спокойствіе—необходимое условіе прекраснаго.

См. О вдохновеніи и восторгѣ.

Служеніе музъ не терпитъ суеты:

Прекрасное должно быть величаво.

См. 19 Октября 1825 г.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ.

Я желалъ бы оставить русскому языку нѣкоторую библейскую откровенность. Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали.

См. Письмо къ князю П. А. Вяземскому. 9.

Какъ матеріаль словесности, языкъ славяно-русскій имѣетъ неоспоримое превосходство предъ всѣми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. Въ XI вѣкѣ древній греческій языкъ вдругъ открылъ ему свой лексиконъ, сокровищницу гармоніи, даровалъ ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обо-

роты, величественное теченіе рѣчи; словомъ, усыновилъ его, избавя такимъ образомъ отъ медленныхъ усовершенствованій времени. Самъ по себѣ уже звучный и выразительный, отселѣ заемлетъ онъ гибкость и правильность. Простонародное нарѣчіе необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго; но впоследствии они сблизились — и такова стихія, данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей.

Г. Лемонте *) напрасно думаетъ, что владычество татаръ оставило ржавчину на русскомъ языкѣ. Чуждый языкъ распространяется не саблею и пожарами, но собственнымъ обиліемъ и превосходствомъ. Какія же новыя понятія, требовавшія новыхъ словъ, могло принести кочующее племя варваровъ, не имѣвшихъ ни словесности, ни торговли, ни законодательства? Ихъ нашествіе не оставило никакихъ слѣдовъ въ языкѣ образованныхъ китайцевъ, и предки наши, въ теченіе двухъ вѣковъ, стоявая подъ татарскимъ игомъ, на языкѣ родномъ молили русскому Богу, проклинали грозныхъ властителей и передавали другъ другу свои сѣтованія.

Какъ бы то ни было, едвали полсотни татарскихъ словъ перешло въ русскій языкъ. Войны литовскія не имѣли также вліянія на судьбу нашего языка; онъ одинъ оставался неприкосновенною собственностію несчастнаго нашего отечества. Въ царствованіе Петра I-го началъ онъ примѣтно искажаться отъ необходимаго введенія гол-

*) Авторъ предисловія къ переводу басенъ Крылова на французскій языкъ.

ландскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ словъ. Сія мода распространяла свое вліяніе и на писателей, въ то время покровительствуемыхъ государями и вельможами; къ счастью, явился Ломоносовъ.

См. О предисловіи Лемонте къ переводу басень И. А. Крылова.

Разговорный языкъ простого народа (не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на французскомъ языкѣ) достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій.

Альфіери изучалъ итальянскій языкъ на флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ московскимъ просфирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ.

См. Критическія замѣтки. (Октябрь и Ноябрь 1830 г.)

Изученіе старинныхъ пѣсень, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка.

См. Тамъ же.

Прекрасный нашъ языкъ, подъ перомъ писателей неученыхъ и неискусныхъ, быстро клонится къ паденію. Слова искажаются, грамматика колеблется. Орѳографія,

сія геральдика языка, измѣняется по произволу всѣхъ и каждаго.

См. Россійская академія.

Метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ.

См. О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности.

Думаю, что современемъ мы обратимся къ бѣлому стиху. Риѣмъ въ русскомъ языкѣ слишкомъ мало. Одна вызываетъ другую. Пламень неминуемо тащить за собою камень. Изъ-за чувства выглядываетъ непремѣнно искусство. Кому не надоѣли любовь и кровь, трудной и чудной, вѣрной и лицемѣрной и проч.

См. Мысли на дорогѣ. Тверь (Возраженія на книгу Радищева).

Къ сожалѣнію, старой словесности у насъ не существуетъ; за нами степь—и на ней возвышается единственный памятникъ: «Пѣснь о полку Игоревѣ».

См. О старой русской словесности съ очеркомъ французской. II отрывокъ.

Изображеніе старины, даже слабое и невѣрное, имѣеть неизъяснимую прелесть для воображенія, притупленнаго однообразной пестротою настоящаго, ежедневнаго.

См. О романѣ Загоскина: Юрій Милославскій.

Сказка—ложь, да въ ней намекъ,
Добрымъ молодцамъ урокъ!

См. Сказка о золотомъ пѣтушкѣ.

А куда разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!...
Слушать—такъ душѣ отрадно;
Кто придумалъ ихъ такъ складно?
И не пилъ бы, и не ѣлъ,
Все бы слушалъ, да глядѣлъ.

См. Свять Иванъ, какъ пить мы станемъ.

Съ нѣкотораго времени у насъ вошло въ обыкновеніе говорить о народности, жаловаться на отсутствіе народности; но никто не думалъ опредѣлить, что разумѣть онъ подъ словомъ народность.

Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи. Другіе видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т. е. радуются тому, что, изъясняясь по-русски, употребляютъ русскія выраженія.

Народность въ писателѣ есть достоинство, которое вполне можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками: для другихъ оно или не существуетъ, или даже мо-

жетъ показаться порокомъ. Ученый нѣмецъ негодуетъ на учтивость героевъ Расина; французъ смѣется, видя въ Кальдеронѣ—Коріона, вызывающаго на дуэль своего противника и проч. Все это однакожъ носитъ печать народности. Есть образъ мыслей и чувствованій, есть тѣма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра даютъ каждому народу особенную фізіономію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи.

Шекспиръ народенъ въ Отелло и Гамлетѣ; Вега и Кальдеронъ во всѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ дѣйствуютъ ихъ герои; Аріостъ—въ описаніи китайскихъ своихъ красавицъ и проч.

См. О народности въ литературѣ.

Вѣкъ можетъ идти себѣ впередъ, и науки, философія и гражданственность могутъ усовершенствоваться и измѣняться, но поэзія остается на одномъ мѣстѣ; цѣль ея одна, средства тѣ же. Поэтическое произведеніе можетъ быть слабо, неудачно, ошибочно—виновато ужъ вѣрно дарованіе стихотворца, а не вѣкъ, ушедшій отъ него впередъ.

Произведенія великихъ поэтовъ остаются свѣжи и вѣчно юны—и между тѣмъ, какъ великіе представители старинной астрономіи, физики, медицины и философіи одинъ за другимъ старѣютъ и одинъ другому уступаютъ мѣсто, одна поэзія остается на своемъ неподвижно и никогда не теряетъ своей младости.

См. Критическія замѣтки (Октябрь и Ноябрь 1830 г.)

Безнравственное сочиненіе есть то, коего цѣлю или дѣйствиємъ бываетъ потрясеніе правилъ, на коихъ основано общественное счастье или достоинство человѣческое. Стихотворенія, коихъ цѣль горячить воображеніе любострастными описаніями, унижаютъ поэзію, превращая ея божественный нектаръ въ воспалительный составъ. Но шутка, вдохновенная сердечною веселостію и минутною игрою воображенія, можетъ показаться безнравственною только тѣмъ, которые о нравственности имѣютъ дѣтское или темное понятіе, смѣшивая ее съ правоученіемъ, и видятъ въ литературѣ одно педагогическое занятіе.

См. Тамъ же.

Цѣль художества есть—идеаль, а не правоученіе.

См. Мнѣніе М. А. Лобанова о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной.

Парнасъ—не монастырь и не гаремъ печальный.

См. Первое посланіе къ цензору.

Потомковъ позднихъ дань поэтамъ справедлива:
На Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива.

См. Къ другу стихотворцу.

... Не тотъ поэтъ, кто рѣмы плестъ умѣетъ.

См. Тамъ же.

Поэзія бываетъ исключительно страстію немногихъ, родившихся поэтами: она объемлетъ и поглощаетъ всё наблюденія, всё усилія, всё впечатлѣнія ихъ жизни.

См. О предисловіи Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова.

Пока не требуетъ поэта
 Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
 Въ заботахъ суетнаго свѣта
 Онъ малодушно погружень;
 Молчитъ его святая лира,
 Душа вкушаетъ хладный сонъ,
 И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
 Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Но лишь божественный глаголь
 До слуха чуткаго коснется,
 Душа поэта встрепенется,
 Какъ пробудившійся орелъ.
 Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
 Людской чуждается молвы;
 Къ ногамъ народнаго кумира
 Не клонитъ гордой головы;
 Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,

И звуковъ и смятенья полнь,
 На берега пустынныхъ волнь,
 Въ широкошумныя дубровы....

См. Поэтъ. Пока не требуетъ поэта.

Таковъ прямой поэтъ. Онъ сѣтуетъ душой
 На пышныхъ играхъ Мельпомены —
 И улыбается забавѣ площадной
 И вольности лубочной сцены.
 То Римъ его зоветъ, то гордый Альбионъ,
 То скалы старца Оссіана,
 И съ дѣтской легкостью межъ тѣмъ летаетъ онъ
 Вослѣдъ Бовы иль Еруслана.

См. Съ Гомеромъ долго ты бесѣдо-
 валь одинъ...

Искренность драгоценна въ поэтѣ. Намъ пріятно ви-
 дѣть поэта во всѣхъ состояніяхъ и измѣненіяхъ его жи-
 вой и творческой души: и въ печали, и въ радости, и
 въ пареніяхъ восторга, и въ отдохновеніи чувствъ, и въ
 ювеналовскомъ негодованіи, и въ маленькой досадѣ на
 скучнаго сосѣда.

См. О книгѣ И. И. Дмитріева: „Путе-
 шествіе №№ въ Парижъ и Лондонъ“.

Однообразность въ писателѣ доказываетъ односторонность ума, хоть, можетъ быть, и глубокомысленнаго.

См. Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія.

Молодые писатели не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрогаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и проч. Все это смѣшно, какъ мелодрама.

См. Критическія замѣтки. (Октябрь и Ноябрь 1830 г.)

Писатели во всѣхъ странахъ міра суть классъ самый малочисленный изъ всего народонаселенія. Аристократія самая мощная, самая опасная есть аристократія людей, которые на цѣлыя поколѣнія, на цѣлыя столѣтія налагаютъ свой образъ мыслей, свои страсти, свои предразсудки. Чтò значить аристократія породы и богатства въ сравненіи съ аристократіей пишущихъ талантовъ? Никакое богатство не можетъ перекупить вліяніе обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правленіе не можетъ устоять противу всеразрушительнаго дѣйствія типографическаго снаряда. Уважайте классъ писателей!

См. Мысли на дорогѣ. Торжокъ. (Возраженія на книгу Радищева).

Всякая строчка великаго писателя становится драгоценной для потомства.

См. Вольтеръ.

. Наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.

См. Борисъ Годуновъ. Царскія палаты.

Ученый безъ дарованія подобенъ тому бѣдному мулѣ, который изрѣзалъ и съѣлъ Коранъ, думая исполнить духа Магометова.

См. Отрывки изъ писемъ, мысли замѣчанія.

Переводчики суть подставныя лошади просвѣщенія.

См. Замѣтки при чтеніи книгъ. I.
Мелкія замѣтки.

Критики наши говорятъ обыкновенно: хорошо потому, что прекрасно; а это дурно потому, что скверно.

См. Критическія замѣтки. (Октябрь и Ноябрь 1830 г.)

Глупость осужденія не столь замѣтна, какъ глупость похвалы; глупецъ не видитъ никакого достоинства въ

Шекспиръ, и это приписано разборчивости его вкуса, странности и т. п.

Тотъ же глупецъ восхищается романомъ Дюкре-Дюмениля, и на него смотрять съ презрѣнiемъ, хотя въ первомъ случаѣ глупость его выразилась яснѣе для человѣка мыслящаго.

См. Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанiя.

Истинный вкусъ состоитъ не въ безотчетномъ отверженiи такого-то слова, такого-то оборота, но въ чувствѣ соразмѣрности и сообразности.

См. Тамъ же.

Суди, дружокъ, не свыше сапога.

См. Притча.—Картину разъ высматриваль сапожникъ.

На критиковъ не угодишь, особенно послѣ неудачи.

См. Полтава. Предисловіе.

Истинный талантъ довѣряетъ болѣе собственному сужденію, основанному на любви къ искусству, нежели малообдуманному рѣшенію записныхъ аристарховъ.

См. Баратынскій.

Талантъ неволень, и его подражаніе не есть постыдное похищеніе—признакъ умственной скудости, но благородная надежда на свои собственныя силы, надежда открыть новыя міры, стремясь по слѣдамъ генія; или чувство, въ смиреніи своемъ еще болѣе возвышенное,—желаніе изучить свой образецъ и дать ему вторичную жизнь.

См. Фракійскія элегіи. Стихотворенія
Теплякова.

Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Нынѣ—это вшивый рынокъ.

См. Письмо къ М. П. Погодину. 15.

Никогда порядочныя литераторы вмѣстѣ у насъ ничего не произведутъ! Все въ одиночку.

См. Письмо къ князю П. А. Вяземскому. 39.

Греческое вѣроисповѣданіе, отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ.

См. Историческія замѣчанія. № 1.

Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено

ко всевозможнымъ обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра, изъ коей нельзя повторить ни единого выраженія, котораго не знали бы всѣ наизусть, которое не было бы уже пословицею народовъ; она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго; книга сія называется Евангеліемъ—и такова ея вѣчно новая прелесть, что если мы, пресыщенные міромъ, или удрученные уныніемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію, и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе!

См. Объ обязанностяхъ человѣка,
сочиненіе Сильвіо Пеллико.

Мало было избранныхъ (даже между первоначальными пастырями церкви), которые бы въ своихъ твореніяхъ приближались кротостію духа, сладостію краснорѣчія и младенческою простотою сердца къ проповѣди Небеснаго Учителя.

См. Тамъ же.

Терпимость сама по себѣ вещь очень хорошая, но развѣ апостольство съ ней несовмѣстно? Развѣ истина дана намъ для того, чтобъ скрывать ее подъ спудомъ? Мы окружены народами, пресмыгающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ не думалъ препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братіямъ, лишеннымъ донынѣ свѣта истиннаго. Такъ ли

исполняемъ мы долгъ христіанства? Кто изъ насъ, мужъ вѣры и смиренія, уподобится святымъ старцамъ, скитающимся по пустынямъ Африки, Азіи и Америки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленнымъ теплымъ усердіемъ? Какая награда ихъ ожидаетъ?— Обращеніе престарѣлаго рыбака, или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика, а затѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть. Кажется, для нашей холодной лѣности легче, взамѣнъ слова живого, выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, незнающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и опасностямъ, по примѣру древнихъ апостоловъ и новѣйшихъ миссіонеровъ. Мы умѣемъ спокойно въ великолѣпныхъ храмахъ блестять велерѣчіемъ. Мы читаемъ свѣтскія книги и важно находимъ въ суетныхъ произведеніяхъ выраженія предосудительныя. Предвижу улыбку на многихъ устахъ. Многіе, сближая мои коллекціи стиховъ съ черкесскимъ негодованіемъ, *) подумаютъ, что не всякій имѣетъ право говорить языкомъ высшей истины. Я не такого мнѣнія. Истина, какъ добро Мольера, тамъ и берется, гдѣ попадается.

См. Путешествіе въ Арзрумъ. Глава первая

Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,

*) Здѣсь Пушкинъ говоритъ объ обращеніи черкесовъ въ христіанство.

Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста—
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
«Владыка дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья;
И духъ смиренія, терпѣнія, любви,
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.»

См. Молитва.—Отцы пустынники.

ОТДѢЛЪ V.

Характеристики (русскія и иностранныя)

Государи: Александръ I.—Екатерина II.—Петръ Великій.—Карлъ XII.—Наполеонъ I.—*Полководцы:* Барклай-де-Толли.—Кутузовъ.—*Государственные дѣятели:* Аракчеевъ.—А. М. Горчаковъ.—Ришелье.—*Политическіе авантюристы:* Марина Мнишекъ.—Мазепа.—*Писатели:* Баратынскій.—Батюшковъ.—Богдановичъ.—Булгаринъ. Кн. Вяземскій.—Фед. Глинка.—Гнѣдичъ.—Гоголь.—Грибоѣдовъ.—Дельвигъ.—Державинъ.—Дмитріевъ.—Жуковскій.—Карамзинъ.—Крыловъ.—Ломоносовъ.—Надеждинъ.—Озеровъ.—Радищевъ.—Сумароковъ.—Фонвизинъ.—Хемницеръ.—Кн. Шаховской.—Байронъ.—Вальтеръ-Скоттъ.—Вольтеръ.—Делиль.—Дидеро.—Просперъ Мери-ме.—Мицкевичъ.—Расинъ.—Томасъ Муръ.—Шатобрианъ.—Шекспиръ.—Андрей Шенье.

Императоръ Александръ I.

Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!

См. Была пора: нашъ праздникъ молодой.—19 Октября 1836 г.

Екатерина II.

Екатерина умѣла властвовать надъ своими предубѣжденіями.

См. Исторія Пугачевского бунта. Часть I. Глава III.

Если царствовать значить знать слабость души чело-
вѣческой и ею пользоваться, то въ семъ отношеніи Ека-
терина заслуживаетъ удивленіе потомства.

См. Историческія замѣчанія.

Петръ I.

Петръ I не страшился народной свободы, неминуемаго
слѣдствія просвѣщенія, ибо довѣрялъ своему могуществу.

См. Тамъ же.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

См. Стансы. Въ надеждѣ славы и добра.

Войны, предпріятыя Петромъ Великимъ, были благо-

дѣтельны и благотворны. Успѣхъ народнаго преобразованія былъ слѣдствіемъ Полтавской битвы, и европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы.

Петръ I не успѣлъ довершить многое, начатое имъ. Онъ умеръ въ порѣ мужества, во всей силѣ творческой своей дѣятельности. Онъ бросилъ на словесность взоръ разсѣянный, но пронизательный. Онъ возвысилъ Теофана, ободрилъ Копіевича, не поладилъ съ Татищевымъ за его легкомысліе, угадалъ въ бѣдномъ школьникѣ вѣчнаго труженика—Тредьяковскаго. Сынъ молдавскаго господаря воспитывался въ его походахъ, а сынъ холмогорскаго рыбака, убѣжавъ отъ береговъ Бѣлаго моря, стучался у воротъ Заиконоспасскаго училища.

См. О старой русской словесности съ очеркомъ французской. IV отрывокъ.

Достойна удивленія разность между государственными учрежденіями Петра Великаго и временными его указами. Первые суть плоды ума обширнаго, исполненнаго доброжелательства и мудрости; вторые—нерѣдко жестокіе, своенравны и, кажется, писаны кнутомъ. Первые были для вѣчности или, по крайней мѣрѣ, для будущаго; вторые—вырвались у нетерпѣливаго, самовластнаго помѣщика.

См. Матеріалы для исторіи Петра Великаго.

Карль XII.

Онъ мальчикъ бойкій и отважный;
 Два, три сраженья разыграть,
 Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
 Бъ врагу на ужинъ прискакать, *)
 Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ; **)
 Не хуже русскаго стрѣлка
 Прокрасться въ ночь ко вражью стану;
 Свалить какъ нынче казака
 И обмѣнять на рану рану; ***)
 Но не ему вести борьбу
 Съ самодержавнымъ великаномъ.
 Какъ полкъ, вертѣтся онъ судьбу
 Принудить хочеть барабаномъ;
 Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
 И легкомысленъ, и кичливъ,
 Богъ вѣсть какому счастью вѣрить;
 Онъ силы новыя врага
 Успѣхомъ прошлымъ только мѣрить. —

См. Полтава. Пѣснь третья.

*) Въ Дрезденъ, къ королю Августу. См. Voltaire Hist. de Charles XII.

**) Ахъ, В. В! бомба!..—«Что есть общаго между бомбою и письмомъ, которое тебѣ диктую? пиши.» Это случилось гораздо послѣ.

***), Ночью Карль, самъ осматривая нашъ лагерь, наѣхалъ на казаковъ, сидѣвшихъ у огня. Онъ поскакалъ прямо къ нимъ и одного изъ нихъ застрѣлилъ изъ собственныхъ рукъ. Казаки дали по немъ три выстрѣла и жестоко ранили его въ ногу.

Наполеонъ I.

Хвала!.. Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

См. Наполеонъ.

Барклай-де-Толли.

Зачинатель.

См. Художнику (Гальбергу).

Неужели должны мы быть неблагодарны къ заслугамъ Барклая-де-Толли, потому что Кутузовъ великъ? Ужели, послѣ 25-лѣтняго безмолвія, поэзіи не позволено произнести его имя съ участіемъ и умиленіемъ? Вы упрекаете стихотворца въ несправедливости его жалобъ; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оцѣнены, награждены. Такъ, но кѣмъ и когда?... Конечно не народомъ, и не въ 1812 году. Минута, когда Барклай принужденъ былъ уступить начальство надъ войсками, была радостна для Россіи, но тѣмъ не менѣе тяжела для его стоическаго сердца. Его отступленіе, которое нынѣ является яснымъ и необходимымъ дѣйствіемъ, казалось вовсе не таковымъ: не только ропталъ народъ, ожесточенный и негодующій, но даже опытные воины горько упрекали его и почти въ глаза называли измѣнникомъ. Барклай, не внушающій

довѣренности войску, ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злорѣчьемъ, но убѣжденный въ самого себя, молча идущій къ сокровенной цѣли и уступающій власть, не успѣвъ оправдать себя передъ глазами Россіи, останется навсегда въ исторіи высоко-поэтическимъ лицомъ.

См. Объясненіе о стихотвореніи „Полководецъ“.

Кутузовъ.

Совершитель.

См. Художнику (Гальбергу).

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою Россіи, съ памятью о величайшемъ событіи новѣйшей исторіи. Его титло: спаситель Россіи; его памятникъ: скала святой Елены!

См. Объясненіе о стихотвореніи „Полководецъ“.

Одинъ Кутузовъ могъ предложить Бородинское сраженіе; одинъ Кутузовъ могъ отдать Москву непріятелю; одинъ Кутузовъ могъ оставаться въ этомъ мудромъ, дѣятельномъ бездѣйствіи, усыпляя Наполеона на пожарищѣ Москвы и выжидая роковой минуты, ибо Кутузовъ одинъ облеченъ былъ въ народную довѣренность, которую такъ чудно онъ оправдалъ.

См. Тамъ же.

Аракчеевъ

Кто-жь онъ «преданный безъ лести?» *)
— Просто фрунтовой солдатъ.

См. На Аракчеева.

А. М. Горчаковъ.

Питомецъ модъ, большого свѣта другъ,
Обычаевъ блестящихъ наблюдатель.

См. Кн. А. М. Горчакову.—Питомецъ модъ.

Пріятный лжець, язвительный болтунъ.

См. Тамъ же.

Тебѣ рукой фортуны своенравной
Указанъ путь и счастливый, и славный.

И нѣжная краса тебѣ дана,
И нравиться блестящій даръ природы,
И быстрый умъ, и вѣрный, милый нравъ;

*) Девизъ Аракчеева: „Безъ лести преданъ“.

Ты сотворенъ для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забавъ.

См. Посланіе къ кн. А. М. Горчакову.—Встрѣчаюсь я...

Ришелье.

Алживіадъ новѣйшихъ Аѳинъ.

См. Арапъ Петра Великаго. Глава первая.

Марина Мнишекъ.

Это была самая странная изъ хорошенькихъ женщинъ. У нея была только одна страсть—честолюбіе, но до такой степени сильное, бѣшеное, что трудно себѣ и представить. Посмотрите, какъ она, попробовавъ царской власти, упоенная пустымъ призракомъ, распутничаетъ, переходя отъ авантюриста къ авантюристу, раздѣляетъ то отвратительное ложе съ жидомъ, то палатку съ казакомъ, постоянно готовая предаться кому бы то ни было, лишь бы онъ могъ подать ей слабую надежду на тронъ, болѣе уже не существовавшій. Посмотрите, какъ она борется съ войной, нищетой, позоромъ, и въ то же время сносится съ польскимъ королемъ, какъ равная съ равнымъ, и наконецъ постыдно кончаетъ самое бурное, самое необыкновенное существованіе. Она возмущаетъ меня, какъ страсть. Она страшно какая полька...

См. Письмо къ Н. Н. Раевскому. 3.

Мазепа.

. Но чѣмъ Мазепа злѣй
 Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
 Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
 И въ обхожденіи простѣй.
 Какъ онъ умѣетъ самовластно
 Сердца привлечь и разгадать,
 Умами править безопасно,
 Чужія тайны разрѣшать!
 Съ какой довѣрчивостью лживой,
 Какъ добродушно на пирахъ
 Со старцами старикъ болтливый
 Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
 Свободу славить съ своевольнымъ,
 Поносить власти съ недовольнымъ,
 Съ ожесточеннымъ слезы лить,
 Съ глупцомъ разумну рѣчь вѣдетъ!
 Не многимъ, можетъ быть, извѣстно,
 Что духъ его неукротимъ,
 Что радъ и честно и безчестно
 Вредить онъ недругамъ своимъ;
 Что ни единой онъ обиды
 Съ тѣхъ поръ какъ живъ не забывалъ,
 Что далеко преступны виды
 Старикъ надменный простиралъ;
 Что онъ не вѣдаетъ святыни,
 Что онъ не помнитъ благостыни,
 Что онъ не любитъ ничего,

Что кровь готовъ онъ лить какъ воду,
 Что презираетъ онъ свободу,
 Что нѣтъ отчизны для него.

См. Полтава. Пѣснь первая.

Баратынскій.

Никто болѣе Баратынскаго не имѣетъ чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ.

См. Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія.

Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ оригиналенъ—ибо мыслить.—Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ.

См. Баратынскій.

Батюшковъ.

Нашъ Парни российский.

См. Къ Батюшкову.—Философъ рѣзвый и лирич.

Батюшковъ сдѣлалъ для русскаго языка то же самое, что Петрарка для итальянскаго.

См. О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности.

Богдановичъ.

Въ «Душенькѣ» Богдановича встрѣчаются стихи и цѣлыя страницы, достойныя Лафонтена.

См. Тамъ же.

Ө. В. Булгаринъ.

Не то бѣда, что ты полякъ:
Костюшко ляхъ, Мицкевичъ—ляхъ!
Пожалуй, будь себѣ татаринъ—
И въ томъ не вижу я стыда;
Но то бѣда, что ты Өаддей Булгаринъ.

См. На Ө. В. Булгарина.

Романы Өаддея Венедиктовича доказываютъ большое терпѣнiе въ авторѣ и требуютъ еще бѣльшаго терпѣнiя въ читателѣ.

См. Торжество дружбы, или оправданный А. А. Орловъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть нравственнѣе сочиненій г. Булгарина? Изъ нихъ мы ясно узнаемъ: сколь не похвально лгать, красть, предаваться пьянству, картежной игрѣ и тому под. Г-нъ Булгаринъ наказуетъ лица разными затѣйливыми именами: убійца названъ у него—Ножевымъ, взяточникъ—Взяткинымъ, дуракъ—Глаздуринымъ, и проч. Историческая точность одна не дозволила ему назвать Бориса Годунова—Хлопухинымъ, Дмитрія Самозванца—Каторжниковымъ, а Марину Мнишекъ—Княжною Шлюхиной; за то и лица сіи представлены нѣсколько блѣдно.

См. Тамъ же.

П. А. Вяземскій.

Судьба свои дары явить желала въ немъ,
 Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
 Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
 И простодушіе съ язвительной улыбкой.

См. Къ портрету кн. П. А. Вяземскаго.

Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый,
 И блескомъ, и умомъ, и шутками богатый,
 Счастливый Вяземскій, завидую тебѣ!
 Ты право получилъ, благодаря судьбѣ,
 Смѣяться весело надъ злобою ревнивой,
 Невѣжество разить анаѳемой игривой...

См. Письмо къ кн. П. А. Вяземскому. 4.

Өед. Глинка.

Аристидь!

См. Къ Ө. Никол. Глинкѣ. — Когда
среди оргій жизни шумной.

Гнѣдичъ.

Слышу умолявшій звукъ божественной эллинской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

См. На переводъ Иліады.

Гоголь.

Читатели наши конечно помнятъ впечатлѣніе, произведенное появленіемъ «Вечеровъ на хуторѣ». Всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ малороссійской природы, этой веселости, простодушной и вмѣстѣ лукавой. Какъ изумились мы русской книгѣ, которая заставляла насъ смѣяться, мы, не смѣяшіеся со временъ Фонвизина! Мы такъ были благодарны молодому автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, безсвязность и неправдоподобіе нѣкоторыхъ разсказовъ, предоставляя сіи недостатки на поживу критики. Авторъ оправдалъ таковое свисхожденіе. Онъ съ тѣхъ поръ непрестанно развивался и совершенствовался. Онъ издалъ «Арабески»; вслѣдъ за тѣмъ явился «Миргородъ»,

гдѣ съ жадностію всё прочли и «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», эту шутовскую, трогательную идиллію, которая заставляетъ васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія, и «Тараса Бульбу», коего начало достойно Вальтеръ-Скотта. Г. Гоголь идетъ еще впередъ.

См. Вечера на хуторѣ. Изданіе второе.

Сейчасъ прочелъ «Вечера близъ Диканьки». Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился. Мнѣ сказывали, что когда издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались «Вечера», то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу. Мольеръ и Фильдингъ, вѣроятно, были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ.

См. Письмо къ А. Ѳ. Воейкову.

Грибоѣдовъ.

Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбежныя спут-

ники человѣчества, все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о немъ, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ, и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ «Московскомъ Телеграфѣ».

См. Путешествіе въ Арзрумъ. Глава вторая.

Дельвигъ.

Художниковъ другъ и совѣтникъ.

См. Художнику (Гальбергу).

Дельвигъ не любилъ поэзіи мистической. Онъ говорилъ: «чѣмъ ближе къ небу, тѣмъ холоднѣе».

См. Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія.

Идилліи Дельвига для меня удивительны: какую силу воображенія должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ 19-го столѣтія въ золотой вѣкъ, и какое необыкновенное чутье изящнаго, дабы такъ угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы; эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть болѣе отрицательную, чѣмъ положительную, которая не допускаетъ ничего напряженнаго въ чувствахъ, тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ, лишняго, неестественнаго въ описаніяхъ.

См. Дельвигъ.

Я зналъ Дельвига въ лицѣ, былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣченнаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы полной справедливости. Съ нимъ читалъ я Державина и Жуковскаго, съ нимъ толковалъ обо всемъ, что душу волнуетъ, что сердце томить. Жизнь его богата не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами.

См. Письмо къ П. А. Шлетневу. 11.

Державинъ.

Перечель я Державина всего и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ и ниже Ломоносова) — онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи — ни даже о правилахъ стихосложенія. Вотъ почему онъ и долженъ

бѣситъ всякое разборчивое ухо. Что же въ немъ: мысли, картины и движенія истинно поэтическія; читая его, кажется, читаешь дурной, вольный переводъ съ какого-то чуднаго подлинника. Ей-Богу, его геній думалъ по-татарски—а русской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ, со временемъ переведенный, изумить Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего, что мы знаемъ о немъ (не говоря уже о его министерствѣ); у Державина должно будетъ сохранить одъ восемь да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ Суворова—жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ.

См. Письмо къ А. А. Дельвигу. 4.

Дмитріевъ.

Что такое Дмитріевъ? Всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова, а все прочее—перваго стихотворенія Жуковского.

См. Письмо къ кн. П. А. Вяземскому. 12.

Жуковскій.

Что за прелесть чертовская его небесная душа! Онъ святой, хотя родился романтикомъ, а не грекомъ, и человѣкомъ, да какимъ еще?

См. Письмо къ Л. С. Пушкину. 27.

Свѣтлая душа.

См. Письмо къ В. А. Жуковскому. 6.

Переводы избаловали Жуковскаго, излѣнили; онъ не можетъ самъ созидать; но онъ, какъ Voss, геній перевода.

См. Письмо къ кн. П. А. Вяземскому. 24.

Его стиховъ плѣнительная сладость
 Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
 И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
 Утѣшится безмолвная печаль,
 И рѣзвая задумается радость.

См. Къ портрету Жуковскаго.

Карамзинъ.

Исторія Государства Россійскаго есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго чело-
вѣка.

См. Остатки автобіографіи Пушкина.

Крыловъ.

Крыловъ превзошелъ всѣхъ намъ извѣстныхъ басно-
писцевъ, исключая, можетъ быть, Лафонтена.

См. О причинахъ, замедлившихъ
ходъ нашей словесности.

Ломоносовъ.

Ломоносовъ понялъ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго; вотъ его главная заслуга.

См. Письмо къ А. А. Бестужеву. 8.

Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понятія, Ломоносовъ объясъ отрасли просвѣщенія. Жажда науки была сильнѣйшею страстью сей души, исполненной страстей. Историкъ, риторъ, механикъ, химикъ, минералогъ, художникъ и стихотворецъ, онъ все испыталъ и все проникъ... Первый углубляется въ исторію отечества, утверждаетъ правила общественнаго языка его, даетъ законы и образцы классическаго краснорѣчія, съ несчастнымъ Рихманомъ предугадываетъ открытія Франклина, учреждаетъ фабрику, самъ сооружаетъ машины, даритъ художества мозаическими произведеніями и, наконецъ, открываетъ намъ истинные источники нашего поэтическаго языка.

Если мы станемъ изслѣдовать жизнь Ломоносова, то найдемъ, что науки точныя были всегда главнымъ и любимымъ его занятіемъ, стихотворство же иногда забавою, но чаще должностнымъ упражненіемъ. Мы напрасно искали бы въ первомъ нашемъ лирикѣ пламенныхъ порывовъ чувства и воображенія. Слогъ его, ровный, цвѣтуцій и живописный, заимлетъ главное достоинство отъ глубокаго знанія книжнаго славянскаго языка и отъ счастливаго сліянія онаго съ языкомъ простонароднымъ. Вотъ почему

предложенія псалмовъ и другія сильныя и близкія подражанія высокой поэзіи священныхъ книгъ суть его лучшія произведенія.

См. О предисловіи Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова.

Ломоносовъ былъ великій человѣкъ. Между Петромъ I и Екатериною II онъ одинъ является самобытнымъ подвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ. Но въ семъ университетѣ профессоръ поэзіи и элоквенціи ни что иное, какъ исправный чиновникъ, а не поэтъ, вдохновенный свыше, не ораторъ, мощно увлекающій. Однообразныя и стѣснительныя формы, въ кои отливаль онъ свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полуславянская, полулатинская, сдѣлалась было необходимою; къ счастью, Карамзинъ освободилъ языкъ отъ чуждаго ига и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова.

См. Мысли на дорогѣ. Ломоносовъ.
(Возраженія на книгу Радищева).

Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія. Оды его, писанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты. Ломоносовъ самъ не дорожилъ своею поэзіею и гораздо болѣе заботился о своихъ химическихъ

опытахъ, нежели о должностныхъ одахъ на высокаторжественный день тезоименитства и проч. Съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ о Сумароковѣ, страстномъ къ своему искусству, объ этомъ человѣкѣ, который ни о чемъ, кромѣ какъ о бѣдномъ своемъ риѣмичествѣ, не думаетъ... За то съ какимъ жаромъ говоритъ онъ о наукахъ, о просвѣщеніи. Смотрите письма его къ Шувалову, къ Воронцову и проч.

См. Тамъ же.

Ломоносовъ былъ добродушенъ. Какъ хорошо его письмо о семействѣ несчастнаго Рихмана!

См. Тамъ же.

Ломоносовъ, рожденный въ низкомъ сословіи, не думалъ возвысить себя наглостью и запанибратствомъ съ людьми высшаго состоянія (хотя, впрочемъ, по чину онъ могъ быть имъ и равный). Но за то умѣлъ онъ за себя постоять, и не дорожилъ ни покровительствомъ своихъ меценатовъ, ни своимъ благосостояніемъ, когда дѣло шло о его чести или о торжествѣ его любимыхъ идей.

Послушайте, какъ пишетъ онъ этому самому Шувалову, предстателю музъ, высокому своему патрону, который вздумалъ было надъ нимъ пошутить: «Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельможъ, но ниже у Господа моего Бога дуракомъ быть не хочу».

Въ другой разъ, заспоря съ тѣмъ же вельможею, Ломоносовъ такъ его разсердилъ, что Шуваловъ закричалъ:

«Я отставлю тебя отъ академіи». — «Нѣтъ, возразилъ гордо Ломоносовъ: развѣ академію отъ меня отставятъ». Вотъ каковъ былъ этотъ униженный сочинитель похвальныхъ одъ и придворныхъ идиллій!

См. Тамъ же.

Надеждинъ.

Я встрѣтился съ Надеждинымъ у Погодина. Онъ показался мнѣ весьма простонароднымъ, vulgar, скученъ, заносчивъ и безъ всякаго приличія. Напримѣръ, онъ поднималъ платокъ, мною уроненный. Критики его были очень глупо написаны, но съ живостью, а иногда и съ краснорѣчіемъ. Въ нихъ не было мыслей, но было движеніе; шутки были плоски.

См. Анекдоты.

Озеровъ.

Озеровъ пытался дать намъ трагедію народную и вообразилъ, что для сего довольно будетъ, если выберетъ предметъ изъ народной исторіи, забывъ, что поэты Франціи брали всѣ предметы для своихъ трагедій изъ греческой, римской и европейской исторіи, и что самыя народныя трагедіи Шекспировы заимствованы имъ изъ итальянскихъ новеллъ.

См. О драмѣ. 4.

Радищевъ.

Въ Радищевѣ отразилась вся французская философія его вѣка: скептицизмъ Вольтера, филантропія Руссо, политическій цинизмъ Дидрота и Ренала; но все въ нескладномъ и искаженномъ видѣ, какъ всѣ предметы криво отражаются въ кривомъ зеркалѣ. Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя, поверхностныя свѣдѣнія, наобумъ принаровленныя ко всему,—вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ.

См. Александръ Радищевъ.

Какую цѣль имѣлъ Радищевъ? Чего именно желалъ онъ? На сіи вопросы врядъ ли могъ онъ самъ отвѣчать удовлетворительно. Вліяніе его было ничтожно. Всѣ прочли его книгу *) и забыли ее, не смотря на то, что въ ней есть нѣсколько благоразумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которыя не имѣли никакой нужды быть облечены въ бранчивыя и напыщенныя выраженія и незаконно тиснуты въ станкахъ тайной типографіи, съ примѣсю пошлаго и преступнаго пусто-словія. Онъ принесли бы истинную пользу, будучи представленъ съ большей искренностію и благоволеніемъ; ибо

*) „Путешествіе въ Москву“.

нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ, и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви.

См. Тамъ же.

Сумароковъ.

Несчастнѣйшій изъ подражателей. Трагедіи его, исполненныя противосмыслия, писанныя варварскимъ, изнѣженнымъ языкомъ, нравились двору Елизаветы, какъ новость, какъ подражаніе французскимъ увеселеніямъ.

См. О драмѣ.—3.

Сумароковъ былъ шуткомъ у всѣхъ тогдашнихъ вельможъ: у Шувалова, у Панина; его дразнили, подстрекали и забавлялись его выходками.

См. Мысли на дорогѣ. Ломоносовъ.
(Возраженія на книгу Радищева).

А онъ—онъ рѣкою попралъ и вкусъ, и умъ.
Ты-ль это, слабое дитя чужихъ уроковъ,
Завистливый гордецъ, холодный Сумароковъ,
Безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,
Предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ
И съ Пинда сброшенный и проклятый Расиномъ?

См. Къ Жуковскому. — Благослови,
поэтъ.

Фонвизинъ.

Сатиры смѣлой властелинъ.

См. Евгенийъ Онѣгинъ. Глава первая. XVIII.

Въ глазахъ монархини сатирикъ превосходный
Невѣжество казнилъ въ комедіи народной.

См. Первое посланіе цензору.

Хемницеръ.

Хемницеръ истину съ улыбкой говорилъ.

См. Тамъ же.

Шаховской.

Шаховской никогда не хотѣлъ учиться своему искусству и сталъ посредственный стихотворецъ. Шаховской не имѣетъ большого вкуса: онъ худой писатель. Что же онъ такое? Неглупый человекъ, который, замѣчая все смѣшное или замысловатое въ обществахъ, пришедъ домой, все записываетъ и потомъ, какъ ни попало, вклеиваетъ въ свои комедіи.

См. Отрывки изъ лицейскихъ записокъ.

Байронъ.

Геній Байрона блѣднѣлъ съ его молодостію. Въ своихъ трагедіяхъ, не выключая и Каина, онъ уже не тотъ пламенный демонъ, который создалъ Гяура и Чайльдъ-Гарольда. Первые двѣ пѣсни Донъ-Жуана выше слѣдующихъ. Его поэзія видимо измѣнялась. Онъ весь созданъ былъ навыворотъ. Постепенности въ немъ не было: онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ—пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже ему не возвратились. Послѣ 4-й пѣсни Child-Harold, Байрона мы не слышали, а писалъ какой-то другой поэтъ съ высокимъ человѣческимъ талантомъ.

См. Письмо къ кн. П. А. Вяземскому.

Байронъ раздѣлилъ между своими героями тѣ и другія черты собственнаго характера: одному далъ свою гордость, другому свою ненависть, третьему свою меланхолію и проч., и такимъ-то образомъ изъ одного характера—полнаго, мрачнаго и энергичнаго—создалъ множество характеровъ ничтожныхъ.

См. Письмо къ Н. Н. Раевскому. 1.

Байронъ мало заботился о планахъ своихъ произведеній, или даже вовсе не думалъ о нихъ. Нѣсколько

сценъ, слабо между собою связанныхъ, было ему достаточно для бездны мыслей, чувствъ и картинъ.

См. О Байронѣ. (По поводу «Корсара», драмы Олина.

Гёте имѣлъ большое вліяніе на Байрона. Фаустъ тревожилъ воображеніе Чайльдъ-Гарольда. Два раза Байронъ пытался бороться съ великаномъ романтической поэзіи—и остался хромъ *), какъ Іаковъ.

См. Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія.

Вальтеръ-Скоттъ

Главная прелесть романовъ W. Scot состоитъ въ томъ что мы знакомимся съ прошедшимъ временемъ, не съ enflure французской трагедіи, не съ чопорностью чувствительныхъ романовъ, не съ dignité исторіи, но современно, но домашнимъ образомъ. Они не походятъ (какъ герои французскіе) на холопей, передразнивающихъ la dignité et la noblesse. Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté, de théâtral, même dans les circonstances solennelles—car les grandes circonstances leur sont familières.

См. Записки при чтеніи книгъ. II. О романахъ Вальтеръ-Скотта.

*) Байронъ былъ дѣйствительно хромымъ.

Вольтеръ.

Философъ и ругатель.

См. Домикъ въ Коломнѣ. VIII.

Фернейскій злой крикунъ.

См. Городокъ.—Къ ***.

Вольтеръ, во все теченіе долгой своей жизни, никогда не умѣлъ сохранить своего собственнаго достоинства. Въ его молодости заключеніе въ Бастилію, изгнаніе и преслѣдованіе не могли привлечь на его особу состраданія и сочувствія, въ которыхъ почти никогда не отказывали страждущему таланту. Наперсникъ государей, идолъ Европы, первый писатель своего вѣка, предводитель умовъ и современнаго мнѣнія, Вольтеръ и въ старости не привлекалъ уваженія къ своимъ сѣдинамъ: лавры, ихъ покрывающіе, были обрызганы грязью. Клевета, преслѣдующая знаменитость, но всегда уничтожающаяся передъ лицомъ истины, вопреки общему закону, для него не исчезала, ибо была всегда правдоподобна. Онъ не имѣлъ самоуваженія и не чувствовалъ необходимости въ уваженіи людей. Чтò влекло его въ Берлинъ? Зачѣмъ ему было промѣнивать свою независимость на милости государя, ему чужого, не имѣвшаго никакого права его къ тому принудить?...

Къ чести Фридерика II скажемъ, что самъ отъ себя король, вопреки природной своей насмѣшливости, не сталъ бы унижать своего стараго учителя, не надѣлъ бы на перваго изъ французскихъ поэтовъ шутовскаго кафтана, не предалъ бы его на посмѣяніе свѣта, если бы самъ Вольтеръ не напрашивался на такое жалкое посрамленіе.

До сихъ поръ полагали, что Вольтеръ самъ отъ себя, въ порывѣ благороднаго огорченія, отослалъ Фридерикю каммергерскій ключъ и прусскій орденъ, знаки непостоянныхъ его милостей; но теперь открывается, что король самъ ихъ потребовалъ обратно. Роль перемѣнена: Фридерикъ негодуеть и грозитъ, Вольтеръ плачетъ и умоляетъ....

Что изъ этого заключить? Что геній имѣетъ свои слабости, которыя утѣшаютъ посредственность, но печалить благородныя сердца, напоминая имъ о несовершенствѣ человѣчества; что настоящее мѣсто писателя есть его ученый кабинетъ, и что наконецъ независимость и самоуваженіе одни могутъ насъ возвысить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы.

См. Вольтеръ.

Делиль.

Парнасскій муравей.

См. Домиль въ Коломнѣ. VIII.

Дидеро.

То читатель Промысла, то скептикъ, то безбожникъ.

См. Къ вельможѣ.

Просперъ Мериме.

Острый и оригинальный писатель.

См. Пѣсни западныхъ славянъ. Предисловіе

Мицкевичъ.

Критикъ зоркій и тонкій и знатокъ въ славянской поэзии.

См. Тамъ же.

. Онъ между нами жилъ,
 Средь племени ему чужого; злобы
 Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
 Его любили. Мирный, благосклонный,
 Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
 Дѣлились мы и чистыми мечтами
 И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
 И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
 Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
 Когда народы, распри позабывъ,

Въ великую семью соединятся.
 Мы жадно слушали поэта. Онъ
 Ушелъ на Западъ—и благословеньемъ
 Его мы проводили. Но теперь
 Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
 Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
 Поетъ онъ ненависть: издалека
 Знакомый голосъ злобнаго поэта
 Доходить къ намъ!... О, Боже! возврати
 Твой миръ въ его озлобленную душу!

См. Мицкевичъ. Онъ между нами
 жилъ.

Расинь.

. Безсмертный подражатель,
 Пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и царей.

См. Домикъ въ Коломиѣ. VIII.

Томась Муръ.

Муръ черезчуръ уже восточенъ. Онъ подражаетъ ребячески и уродливо ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европейецъ, и въ упоеніи восточной роскоши, долженъ сохранить вкусъ и взоръ европейца. Вотъ

почему Байронъ такъ и прелестенъ въ Гяурѣ, въ Абидосской Невѣстѣ и проч.

См. Письмо къ кн. П. А. Вяземскому. 22.

Шатобріанъ.

Въ ученой критикѣ Шатобріанъ не твердъ, робокъ и самъ не свой; онъ говоритъ о писателяхъ, которыхъ не читалъ; судить о нихъ вскользь и по наслышкѣ и кое-какъ отдѣлывается отъ скучной должности библіографа; но поминутно изъ-подъ пера его вылетаютъ вдохновенныя страницы; онъ поминутно забываетъ критическія изысканія и на свободѣ развиваетъ свои мысли о великихъ историческихъ эпохахъ, которыя сближаетъ съ тѣми, коихъ самъ онъ былъ свидѣтель. Много искренности, много сердечнаго краснорѣчія, много простодушія (иногда дѣтскаго, но всегда привлекательнаго) въ сихъ отрывкахъ, чуждыхъ исторіи англійской литературы, но составляющихъ главное, блистательное достоинство «Опыта» *).

См. О Мильтонѣ и Шатобріановомъ переводѣ «Потеряннаго Рая».

Шекспиръ.

Лица, созданныя Шекспиромъ, не суть, какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа

*) „Опытъ объ англійской литературѣ“.

живыя, исполненныя многихъ страстей, многихъ пороковъ; обстоятельства развиваютъ передъ зрителемъ ихъ разнообразныя, многосложныя характеры. У Мольера скупой скупъ — и только; у Шекспира Шейлокъ скупъ, сметливъ, мстителенъ, чадолюбивъ, остроуменъ. У Мольера лицомѣръ волочится за женою своего благодѣтеля, лицомѣря; принимаетъ имѣніе подѣ храненіе, лицомѣря; спрашиваетъ стаканъ воды, лицомѣря. У Шекспира лицомѣръ произноситъ судебный приговоръ съ тщеславною строгостью, но справедливо; онъ оправдываетъ свою жестокость глубокомысленнымъ сужденіемъ государственнаго человѣка; онъ оболъщаетъ невинность сильными увлекательными софизмами, не смѣшвою смѣсью набожности и волокитства. Анджеоло лицомѣръ, потому что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ тайнымъ страстямъ! А какая глубина въ этомъ характерѣ!

Но нигдѣ, можетъ быть, многосторонній геній Шекспира не отразился съ такимъ многообразіемъ, какъ въ Фальстафѣ, коего пороки, одинъ съ другимъ связанныя, составляютъ забавную, уродливую цѣпь, подобную древней вакханалии. Разбирая характеръ Фальстафа, мы видимъ, что главная черта его есть сластолюбіе. Смолоду, вѣроятно, грубое, дешевое волокитство было первою для него заботою, но ему уже за пятьдесятъ. Онъ растолстѣлъ, одряхъ; обжорство и вино взяли верхъ надъ Венерою. Онъ трусъ; но проведя свою жизнь съ молодыми повѣсами, поминутно подверженный ихъ насмѣшкамъ и проказамъ, онъ прикрываетъ свою трусость дерзостью уклончивой и насмѣшливой; онъ хвастливъ по привычкѣ и по расчету.

Фальстафъ совсѣмъ не глупъ; напротивъ, онъ имѣетъ и нѣкоторыя привычки человѣка, нерѣдко выдавашаго хорошее общество. Правильнѣтъ у него никакихъ. Онъ слабъ, какъ баба. Ему нужно крѣпкое испанское вино (the sack), жирный обѣдъ и деньги для своихъ любовницъ; чтобъ достать ихъ, онъ готовъ на все, только-бъ не на явную опасность.

См. Шейлокъ, Анджело и Фальстафъ, Шекспира.

А. Шенье.

Никто болѣе меня не уважаетъ, не любитъ болѣе этого поэта, — онъ... изъ классиковъ — классикъ. C'est un imitateur. Отъ него пахнетъ Теоокритомъ и Анакреономъ. Онъ освобождаетъ отъ итальянскихъ *concezzi* и отъ французскихъ *anthithèses*, но романтизма въ немъ нѣтъ еще ни капли...

См. Письмо къ кн. П. А. Вяземскому.
8. Примѣчаніе.

ОТДѢЛЪ VI.

Пушкинъ о себѣ.

Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавый
И злобной клеветы невидимый кинжалъ!..

См. Дельвигу.—Любовью, дружествомъ
и лѣнью.

Вся жизнь моя—печальный мракъ ненастья.

См. Послание къ кн. А. М. Горчакову.—Встрѣчаюсь я.

Я рано скорбь узналъ, постигнуть былъ гоненьемъ,
Я—жертва клеветы и мстительныхъ невѣждъ;
Но сердце укрѣпивъ свободой и терпѣньемъ,
Я ждалъ безопасно лучшихъ дней,
И счастье моихъ друзей
Мнѣ было сладкимъ утѣшеньемъ.

См. Кавказскій плѣнникъ. (Посвященіе Николаю Николаевичу Раевскому).

. Я еще
 Былъ молодъ, но уже судьба
 Меня борьбой неровной истомила;
 Я былъ ожесточенъ. Въ уныньи часто
 Я помышлялъ о юности моей,
 Утраченной въ бесплодныхъ испытаньяхъ,
 О строгости заслуженныхъ упрековъ,
 О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
 За жаръ души доврчивой и нѣжной—
 И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства.

См. Вновь я посѣтилъ.

Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
 Грядущаго волнуемое море.

См. Элегія. Безумныхъ лѣтъ угасшее
 веселье.

Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать.

См. Тамъ же.

Жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще
 она была элегіей.

См. Письмо къ В. А. Жуковскому. 6.

Скучно!—Вотъ припѣвъ моей жизни.

См. Письмо къ А. А. Дельвигу. 2.

На меня и суда нѣтъ. Я hors de loi.

См. Письмо къ В. А. Жуковскому. 1.

Суровый славянинъ, я слезъ не проливалъ,
Но понимаю ихъ.

См. Къ Овидію.

Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
Не трудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда какъ сердце дремлетъ
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья,
И сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышлений.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы

Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

См. Чаадаеву.— Въ странѣ, гдѣ я
забылъ.

Я человѣкъ миролюбивый, но всегда готовъ заступиться за моего друга; я не похожу на того китайскаго журналиста, который, потакая своему товарищу и въ глаза выхваляя его бредни, говорить на ухо всякому: «этотъ пачкунъ и мерзавецъ ссорить меня со всѣми порядочными людьми, мараетъ меня своимъ товариществомъ; но что дѣлать? онъ человѣкъ дѣловой и расторопный!»

См. Нѣсколько словъ о мизинцѣ г.
Булгарина и о прочемъ.

Я не принадлежу къ числу тѣхъ незлопамятныхъ литераторовъ, которые, публично другъ друга обругавъ, обнимаются потомъ всенародно, какъ Пролазь съ Высоносомъ, говоря въ похвальбу себѣ и въ утѣшеніе:

«Вѣдь, кажется, у насъ по полной оплеухѣ».

См. Тамъ же.

Я мирныхъ звуковъ наслажденья
Младенцемъ чувствовать умѣлъ.

См. Дельвигу.— Любовью, дружествомъ и лѣнью.

Началъ я писать съ 13-тилѣтняго возраста и печатать почти съ того же времени. Многое желалъ бы и уничтожить, какъ недостойное даже и моего дарованія, каково бы оно ни было. Иное тяготѣеть, какъ упрекъ, на совѣсти моей. По крайней мѣрѣ, не долженъ я отвѣчать за перепечатаніе грѣховъ моего отрочества, а тѣмъ паче за чужія проказы.

См. Критическія замѣтки. (Октябрь и Ноябрь 1830 г.).

Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

См. Евгеній Онѣгинъ. Глава восьмая, II.

Вѣдь риѣмы за просто со мной живутъ;
Двѣ придутъ сами, третью приведутъ.

См. Домикъ въ Коломнѣ. I.

Я никогда не могъ поправить разъ мною написанное.

См. Письмо къ кн. П. А. Вяземскому. 7.

Я не слѣдствіе, а ученикъ Жуковскаго, и только тѣмъ и беру, что не смѣю сунуться на дорогу его, а бреду проселочной.

См. Письмо къ кн. П. А. Вяземскому. 24.

Могу сказать, что въ послѣднее пятилѣтіе царствованія покойнаго государя *) я имѣлъ на все сословіе литераторовъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ министерство (нар. просвѣщенія), не смотря на неизмѣримое неравенство средствъ.

См. Проекты изданія журнала и газеты. III.

На лирѣ скромной, благородной
Земныхъ боговъ я не хвалилъ
И силѣ, въ гордости свободной,
Кадиломъ лести не кадилъ.

См. Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь государыни императрицы Елизаветы Алексѣевны.

И неподкупный голосъ мой
Былъ эхо русскаго народа.

См. Тамъ же.

Грѣхъ гонителямъ моимъ! И я, какъ А. Шенье, могу ударить себя въ голову и сказать: *il y avait quelque chose là...*

См. Письмо къ кн. П. А. Вяземскому. 32.

*) Александра I.

Elegi monumentum.

Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.

Нѣтъ! весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мѣрѣ
Живъ будетъ хоть одинъ пѣтъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я свободу,
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божію, о муза, будь послушна,
Обиды не страшись, не требуя вѣнца;
Хвалу и клевету приѣмли равнодушно,
И не оспаривай глупца.

ОТДѢЛЪ VII.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ПУШКИНА

ПО РАЗСКАЗАМЪ ОЧЕВИДЦЕВЪ.

Описаніе В. А. Жуковскаго.

Россія потеряла Пушкина въ ту минуту, когда геній его, созрѣвшій въ опытахъ жизни, размышленіемъ и наукою, готовился дѣйствовать полною силою — потеря невозвратная и ничѣмъ вознаградимая. Что бы онъ написалъ, если-бъ судьба такъ внезапно не сорвала его со славной, едва начатой имъ дороги? Въ бумагахъ, послѣ него оставшихся, найдено много начатаго, весьма мало конченнаго; съ благоговѣйною любовію къ его памяти, мы сохранимъ все, что можно будетъ сохранить изъ сихъ драгоцѣнныхъ остатковъ; и они въ свое время будутъ изданы въ свѣтъ.

Письмо къ С. Л. Пушкину.

15 февраля 1837.

Я не имѣлъ духу писать къ тебѣ, мой бѣдный Сергѣй Львовичъ*). Что могъ я тебѣ сказать, угнетенный нашимъ

*) Отецъ Пушкина.

общимъ несчастіемъ, которое упало на насъ, какъ обвалъ, и всѣхъ раздавило? Нашего Пушкина нѣтъ! Это къ несчастію вѣрно; но все еще кажется невѣроятнымъ. Мысль, что его нѣтъ, еще не можетъ войти въ порядокъ обыкновенныхъ, ясныхъ, ежедневныхъ мыслей; еще по привычкѣ продолжаешь искать его; еще такъ естественно ожидать съ нимъ встрѣчи въ нѣкоторые условные часы; еще среди нашихъ разговоровъ какъ будто отзывается его голосъ, какъ будто раздается его живой, ребячески-веселый смѣхъ, и тамъ, гдѣ онъ бывалъ ежедневно, ничто не перемѣнилось, нѣтъ и признаковъ бѣдственной утраты, все въ обыкновенномъ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ, а онъ пропалъ и навсегда — непостижимо! Въ одну минуту погибла сильная, крѣпкая жизнь, полная генія, свѣтлая надеждами. Не говорю о тебѣ, бѣдный и дряхлый отецъ; не говорю о насъ, горюющихъ его друзьяхъ. Россія лишилась своего любимаго, національнаго поэта. Онъ пропалъ для нея въ ту минуту, когда его созрѣваніе совершалось; пропалъ, достигнувъ до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь съ кипучею, иногда безпорядочною, силою молодости, тревожимой геніемъ, предается болѣе спокойной, болѣе образовательной силѣ зрѣлаго мужества, столь же свѣжей, какъ и первая, можетъ быть, не столь порывистой, но болѣе творческой. У кого изъ русскихъ съ его смертію не оторвалось что-то родное отъ сердца? И между всѣми русскими особенную потерю въ немъ сдѣлалъ самъ государь. При началѣ своего царствованія онъ себѣ его присвоилъ; онъ развязалъ руки ему въ то время, когда онъ

былъ раздраженъ несчастіемъ, имъ самимъ на себя навлеченнымъ; онъ слѣдилъ за нимъ до послѣдняго часа; бывали минуты, въ которыя, какъ буйный, еще не остепенившійся ребенокъ, онъ навлекалъ на себя неудовольствіе своего хранителя; но во всѣхъ изъясненіяхъ неудовольствія со стороны государя было что-то нѣжное, отеческое. Послѣ каждаго подобнаго случая связь между ними усиливалась: въ одномъ — чувствомъ испытаннаго имъ наслажденія простить, въ другомъ — живымъ движеніемъ благодарности, которая болѣе и болѣе проникала душу Пушкина и наконецъ слилась въ ней съ поэзіею. Государь потерялъ въ немъ свое созданіе, своего поэта, который принадлежалъ бы славѣ его царствованія, какъ Державинъ славѣ Екатерины, а Карамзинъ славѣ Александра. И государь, до послѣдней минуты Пушкина, остался вѣренъ своему благодворенію. Онъ отозвался умирающему на послѣдній земной крикъ его; и какъ отозвался! Какое русское сердце не затрепетало благодарностію на этотъ голосъ царскій? Въ этомъ голосѣ выразилось не одно личное, трогательное чувство, но вмѣстѣ и любовь къ народной славѣ, и высокой приговоръ нравственный, достойный царя, представителя и славы и нравственности народной.

Первыя минуты ужаснаго горя для тебя прошли; теперь ты можешь меня слушать и плакать. Я опишу тебѣ все, что было въ послѣднія минуты твоего сына, что я видѣлъ самъ, что мнѣ рассказали другіе очевидцы.

Въ среду, 27 числа января, въ 10 часовъ вечера пріѣхалъ я къ князю Вяземскому. Мнѣ сказываютъ, что

и онъ и княгиня у Пушкиныхъ, а Валуевъ, къ которому я зашелъ, встрѣчаетъ меня словами:

— Получили ли вы записку княгини? За вами давно послали; поѣзжайте къ Пушкину: онъ умираетъ.

Оглушенный этимъ извѣстіемъ, я побѣжалъ съ лѣстницы. Приѣзжаю къ Пушкину. Въ его прихожей, передъ дверями его кабинета, нахожу докторовъ Арендта и Спаскаго; князя Вяземскаго, князя Мещерскаго. На вопросъ: каковъ онъ? Арендтъ отвѣчалъ мнѣ:—очень плохъ; умретъ непременно. Вотъ что рассказали мнѣ о случившемся: въ шесть часовъ послѣ обѣда Пушкинъ привезенъ былъ въ этомъ отчаянномъ положеніи домой подполковникомъ Данзасомъ, его лицейскимъ товарищемъ. Камердинеръ принялъ его изъ кареты на руки и понесъ на лѣстницу. «Грустно тебѣ нести меня?» спросилъ у него Пушкинъ. Его внесли въ кабинетъ; онъ самъ велѣлъ подать себѣ чистое бѣлье; раздѣлся, и легъ на диванъ. Въ то время, когда его укладывали, жена, ни о чемъ не знавшая, хотѣла войти; но онъ громкимъ голосомъ закричалъ: «n'entrez pas; il y a du monde chez moi». Онъ боялся ее испугать. Жена вошла уже тогда, когда онъ лежалъ совсѣмъ раздѣтый. Послали за докторами. Арендта не нашли; приѣхали Шольцъ и Задлеръ. Пушкинъ велѣлъ всѣмъ выйти (въ это время у него были Данзасъ и Плетневъ).

— Плохо со мною, сказалъ онъ, подавая руку Шольцу.

Его осмотрѣли, и Задлеръ уѣхалъ за нужными инструментами. Оставшись съ Шольцемъ, Пушкинъ спросилъ:

— Что вы думаете о моемъ положеніи, скажите откровенно?

— Не могу отъ васъ скрыть, вы въ опасности.

— Скажите лучше, умираю.

— Считаю долгомъ не скрывать и того. Но услышимъ мнѣніе Арендта и Саломона, за которыми послано.

— Je vous remercie, vous avez agi en honnête homme envers moi, сказалъ Пушкинъ, замолчалъ, потеръ рукою лобъ, потомъ прибавилъ: — il faut que j'arrange ma maison.

— Не желаете ли видѣть кого изъ вашихъ ближнихъ? спросилъ Шольцъ.

— Прощайте, друзья! сказалъ Пушкинъ, обративъ глаза на свою библіотеку.

Съ кѣмъ онъ прощался въ эту минуту, съ живыми друзьями, или съ мертвыми—не знаю. Онъ, немного погодя, спросилъ:

— Развѣ вы думаете, что я часу не проживу?

— О, нѣтъ! но я полагалъ, что вамъ будетъ пріятно увидѣть когонибудь изъ вашихъ. Господинъ Плетневъ здѣсь.

— Да, но я желалъ бы и Жуковского. Дайте мнѣ воды, тошнить.

Шольцъ, тронувъ пульсъ, нашелъ, что рука была холодна, пульсъ слабъ и скоръ; онъ вышелъ за питьемъ, и послали за мною. Меня въ это время не было дома; и не знаю, какъ это случилось, но ко мнѣ не приходилъ никто. Между тѣмъ пріѣхали Задлеръ и Саломонъ.

Шольцъ оставилъ больного, который добродушно пожалъ ему руку, но не сказалъ ни слова. Скоро потомъ явился Арендтъ. Онъ съ перваго взгляда увѣрился, что не было никакой надежды. Начали прикладывать холодныя со льдомъ примочки на животъ и давать прохладительное питье; это произвело желанное дѣйствіе: больной успокоился. Передъ отъѣздомъ Арендта, онъ сказалъ ему:

— Попросите государя, чтобъ онъ меня простилъ.

Арендтъ уѣхалъ, поручивъ его Спасскому, домовому его доктору, который во всю ту ночь не отходилъ отъ его постели.

— Плохо мнѣ, сказалъ Пушкинъ, когда подошелъ къ нему Спасскій.

Спасскій старался его успокоить; но Пушкинъ махнулъ рукой отрицательно. Съ этой минуты онъ какъ будто пересталъ заботиться о себѣ и всѣ его мысли обратились на жену.

— Не давайте излишнихъ надеждъ женѣ, говорилъ онъ Спасскому:— не скрывайте отъ нея, въ чемъ дѣло; она не притворщица; вы ее хорошо знаете. Впрочемъ дѣлайте со мною, что хотите, я на все согласенъ и на все готовъ.

Въ это время уже собрались: князь Вяземскій, княгиня, Тургеневъ, графъ Виельгорскій и я. Княгиня была съ женою, которой состояніе было невыразимо; какъ привидѣніе иногда прокрадывалась она въ ту горницу, гдѣ лежалъ ея умирающій мужъ; онъ не могъ ее видѣть (онъ лежалъ на диванѣ лицомъ отъ оконъ и двери); но всякій разъ, когда она входила, или только останавливалась у дверей, онъ чувствовалъ ея присутствіе.

— Жена здѣсь? говорилъ онъ. Отведите ее.

Онъ боялся допускать ее къ себѣ, ибо не хотѣлъ, чтобы она могла замѣтить его страданія, кои съ удивительнымъ мужествомъ пересиливалъ.

— Что дѣлаетъ жена? спросилъ онъ однажды у Спасскаго.— Она бѣдная безвинно терпитъ! въ свѣтъ ее за-
бдять.

Вообще съ начала до конца своихъ страданій (кромѣ двухъ или трехъ часовъ первой ночи, въ которые они превзошли всякую мѣру человѣческаго терпѣнія), онъ былъ удивительно твердъ.

— Я былъ въ тридцати сраженіяхъ, говорилъ докторъ Арендтъ, я видѣлъ много умирающихъ, но мало видѣлъ подобнаго.

И особенно замѣчательно то, что въ эти послѣдніе часы жизни онъ какъ будто сдѣлался иной: буря, которая за нѣсколько часовъ волновала его душу неодолимою страстію, исчезла, не оставивъ на ней и слѣда; ни слова—ниже воспоминанія о случившемся. Но вотъ черта чрезвычайно трогательная. Наканунъ получилъ онъ пригласительный билетъ на погребеніе Гречева сына. Онъ вспомнилъ объ этомъ посреди своего страданія.

— Если увидите Греча, сказалъ онъ Спасскому, поклонитесь ему и скажите, что я принимаю душевное участіе въ его потерѣ.

У него спросили: желаетъ ли исповѣдаться и причаститься? Онъ согласился охотно и положено было призвать священника утромъ. Въ полночь докторъ Арендтъ возвратился. Покинувъ Пушкина, онъ отправился во дворецъ, но

не засталъ государя, который былъ въ театрѣ; онъ сказалъ камердинеру, чтобъ по возвращеніи его величества было донесено ему о случившемся. Около полуночи прїѣзжаетъ къ Арендту отъ государя фельдъегерь съ повелѣніемъ немедленно ѣхать къ Пушкину, прочитатъ ему письмо, собственноручно государемъ къ нему написанное, и тотчасъ обо всемъ донести.

— Я не лягу, я буду ждать, приказывалъ государь Арендту.

Письмо же приказано было возвратить. И что же стояло въ этомъ письмѣ?—«Если Богъ не велитъ намъ болѣе увидѣться, посылаю тебѣ мое прощеніе и вмѣстѣ мой совѣтъ: исполнить долгъ христіанскій. О женѣ и дѣтяхъ не беспокойся: я ихъ беру на свое попеченіе».

Какъ бы я желалъ выразить простыми словами то, что у меня движется въ душѣ при перечитываніи этихъ немногихъ строкъ. Какой трогательный конецъ земной связи между царемъ и тѣмъ, кого онъ когда-то отечески присвоилъ и кого до послѣдней минуты не покинулъ! Какъ много прекраснаго, человѣческаго въ этомъ порывѣ, въ этой поспѣшности захватить душу Пушкина на отлетѣ, очистить ее для будущей жизни и ободрить послѣднимъ земнымъ утѣшеніемъ. Я не лягу, я буду ждать! О чемъ же онъ думалъ въ эти минуты ожиданія? Гдѣ онъ былъ своею мыслію? О, конечно, передъ постелью умирающаго, его добрымъ земнымъ геніемъ, его духовнымъ отцомъ, его примирителемъ съ небомъ и собою. Умирающій немедленно исполнилъ уже угаданное желаніе государя. Послали за священникомъ въ ближнюю церковь. Пушкинъ исповѣдался

и причастился съ глубокимъ чувствомъ. Когда Арендтъ прочиталъ ему письмо государя, то онъ вмѣсто отвѣта поцѣловалъ его и долго не выпускалъ изъ рукъ; но Арендтъ не могъ его ему оставить. Нѣсколько разъ Пушкинъ повторялъ:

— Отдайте мнѣ это письмо, я хочу умереть съ нимъ. Письмо! гдѣ письмо?

Арендтъ успокоилъ его обѣщаніемъ испросить на то позволеніе у государя. Онъ скоро потомъ уѣхалъ.

До пяти часовъ утра въ его положеніи не произошло никакой перемѣны. Но около пяти часовъ боль въ животѣ сдѣлалась нестерпимою и сила ея одолѣла силу души; онъ началъ стонать, послали опять за Арендтомъ. По пріѣздѣ его, нашли нужнымъ поставить промывательное; но оно не помогло и только-что усилило страданія, которыя наконецъ дошли до крайней степени и продолжались до семи часовъ утра. Что было бы съ бѣдною женою, если бы она въ теченіе этихъ двухъ вѣковыхъ часовъ могла слышать его стоны? Я увѣренъ, что ея разсудокъ не вынесъ бы этой душевной пытки. Но вотъ что случилось: она, въ совершенномъ изнуреніи, лежала въ гостиной, у самыхъ дверей, кои однѣ отдѣляли ее отъ постели мужа. При первомъ страшномъ крикѣ его, княгиня Вяземская, бывшая въ той же горницѣ, бросилась къ ней, опасаясь, чтобы съ нею чего не сдѣлалось. Но она лежала неподвижно (хотя за минуту говорила); тяжелый летаргическій сонъ овладѣлъ ею, и этотъ сонъ, какъ будто нарочно посланный свыше, миновался въ ту самую минуту, когда раздалось послѣднее стenanіе за дверями. Но въ эти минуты жесто-

чайшаго испытанія, по словамъ Спасскаго и Арендта, во всей силѣ оказалась твердость души умирающаго: готовый вскрикнуть, онъ только стоналъ, боясь, какъ онъ говорилъ самъ, чтобы жена не услышала, чтобы ее не испугать. Къ семи часамъ боль утихла. Надобно замѣтить, что во все время и до самаго конца, мысли его были свѣтлы и память свѣжа. Еще до начала сильной боли онъ подозвалъ къ себѣ Спасскаго, велѣлъ подать какую-то бумагу, его рукою написанную, и заставилъ ее сжечь. Потомъ призывалъ Данзаса и продиктовалъ ему записку о нѣкоторыхъ долгахъ своихъ. Это его однако изнурило, и послѣ онъ уже не могъ сдѣлать никакихъ другихъ распоряженій. Когда поутру кончились его нестерпимыя страданія, онъ сказалъ Спасскому:

— Жену! позовите жену!

Этой прощальной минуты я тебѣ не стану описывать. Потомъ потребовалъ дѣтей; они спали; ихъ привели и принесли къ нему полусонныхъ. Онъ на каждого оборачивалъ глаза молча, клалъ ему на голову руку, крестилъ и потомъ движеніемъ руки отсылалъ прочь.

— Кто здѣсь? спросилъ онъ у Спасскаго и Данзаса.

Назвали меня и Вяземскаго.

— Позовите, сказалъ онъ слабымъ голосомъ.

Я подошелъ, взялъ его похолодѣвшую, протянутую ко мнѣ руку, поцѣловалъ ее: сказать ему ничего я не могъ, онъ махнулъ рукою и я отошелъ, но черезъ минуту я возвратился къ его постелѣ и спросилъ у него:

— Можетъ быть, увижу государя; что мнѣ сказать ему отъ тебя?

— Скажи, отвѣчалъ онъ, что мнѣ жаль умереть; былъ бы весь его!

Эти слова говорилъ онъ слабо, отрывисто, но явственно. Потомъ простился онъ съ Вяземскимъ. Въ эту минуту пріѣхалъ графъ Віельгорскій и вошелъ къ нему, и также впоследствии подалъ ему живому руку. Было очевидно, что онъ спѣшилъ сдѣлать свой послѣдній земной расчетъ и какъ будто подслушивалъ шаги приближающейся смерти. Взявши себя за пульсъ, онъ сказалъ Спасскому:

— Смерть идетъ.

Когда подошелъ къ нему Тургеневъ, онъ посмотрѣлъ на него два раза пристально, пожалъ ему руку; казалось, хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукою и только промолвилъ:

— Карамзину!

Ея не было, за нею немедленно послали, и она скоро пріѣхала. Свиданіе ихъ продолжалось только минуту; но когда Катерина Андреевна отошла отъ постели, онъ ее кликнулъ и сказалъ:

— Перекрестите меня.

Потомъ поцѣловалъ у ней руку. Въ это время пріѣхалъ докторъ Арендтъ.

— Жду царскаго слова, чтобы умереть спокойно, сказалъ ему Пушкинъ.

Это было для меня указаніемъ, и я рѣшился въ ту же минуту ѣхать къ государю, чтобы извѣстить его величество о томъ, что слышалъ. Сходя съ крыльца, я встрѣтился съ фельдъегеремъ, посланнымъ за мною отъ самого государя.

— Извини, что я тебя потревожилъ, сказалъ онъ мнѣ при входѣ моемъ въ кабинетъ.

— Государь, я самъ спѣшилъ къ вашему величеству въ то время, когда встрѣтился съ посланнымъ за мною.

Разказавъ о томъ, что говорилъ Пушкинъ, я прибавилъ:—я счелъ долгомъ сообщить эти слова немедленно вашему величеству.

— Скажи ему отъ меня, сказалъ государь, что я поздравляю его съ исполненіемъ христіанскаго долга; о женѣ же и дѣтяхъ онъ беспокоиться не долженъ: они мои. Тебѣ же поручаю, если онъ умретъ, запечатать его бумаги; ты послѣ ихъ самъ размотришь.

Я возвратился къ Пушкину съ утѣшительнымъ отвѣтомъ государя. Выслушавъ меня, онъ поднялъ руки къ небу съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ.

— Вотъ какъ я утѣшенъ! сказалъ онъ. Скажи государю, что я желаю ему долгаго, долгаго царствованія, что я желаю ему счастія въ его сынѣ, что я желаю ему счастія въ его Россіи.

Между тѣмъ данный ему пріемъ оцѣна нѣсколько его успокоилъ; къ животу вмѣсто холодныхъ примочекъ начали прикладывать мягчительныя; это было пріятно страждущему; и онъ началъ безпрекословно исполнять предписанія докторовъ, которыя прежде всѣмъ отвергалъ упрямо, будучи испуганъ своими муками и жадно желая смерти для ихъ прекращенія. Но тутъ онъ сдѣлался послушенъ, какъ ребенокъ: самъ накладывалъ компрессы на животъ и помогалъ тѣмъ, кои около него суетились. Словомъ, ему повидимому стало гораздо лучше. Такъ нашелъ его докторъ Даль, пришедшій къ нему въ два часа.

— Худо мнѣ, братъ, сказалъ Пушкинъ съ улыбкою Давлю.

Но Давль, дѣйствительно имѣвшій болѣе другихъ надежды, отвѣчалъ ему:

— Мы всѣ надѣмся, не отчаявайся и ты.

— Нѣтъ! возразилъ онъ, мнѣ здѣсь не житье; я умру; да видно такъ и надо.

Въ это время пульсъ его былъ полнѣе и тверже; началъ показываться небольшой общій жаръ. Поставили пивки; пульсъ сталъ ровнѣе, рѣже и гораздо легче.

— Я ухватился, говорить Давль, какъ утопленникъ за соломенку, робкимъ голосомъ провозгласилъ надежду и обманулъ-было и себя и другихъ.

Пушкинъ, замѣтивъ, что Давль былъ пободрѣе, взялъ его за руку и спросилъ:

— Никого тутъ нѣтъ?

— Никого.

— Давль, скажи мнѣ правду, скоро ли я умру?

— Мы за тебя надѣмся, Пушкинъ, право надѣмся.

— Ну, спасибо! отвѣчалъ онъ.

Но повидимому только однажды и обольстился онъ утѣшеніемъ надежды; ни прежде, ни послѣ этой минуты онъ ей не вѣрилъ. Почти всю ночь (на 29-е число; эту ночь всю Давль просидѣлъ у его постели, а я, Вяземскій и Віельгорскій въ ближней горницѣ) онъ продержалъ Давля за руку; часто бралъ по ложечкѣ воды или по крупинкѣ льда въ ротъ, и всегда все дѣлалъ самъ: снималъ стаканъ съ ближней полки, теръ себѣ виски льдомъ, самъ накладывалъ на животъ припарки, самъ

ихъ перемѣнялъ и проч. Онъ мучился менѣе отъ боли, нежели отъ чрезмѣрной тоски.

— Ахъ! какая тоска! иногда восклицалъ онъ, закидывая руки на голову:—сердце изнываетъ!

Тогда просилъ онъ, чтобы подняли его, или повертели на бокъ, или поправили ему подушку; и не давъ кончить этого, останавливалъ обыкновенно словами:

— Ну! такъ, такъ—хорошо; вотъ и прекрасно, и довольно; теперь очень хорошо; или: постой—не надо—потяни меня только за руку—ну вотъ и хорошо, и прекрасно!

— (Все это его точныя выраженія). Вообще, говорить Даль, въ обращеніи со мною онъ былъ покладливъ и послушенъ, какъ ребенокъ, и дѣлалъ все, чего я хотѣлъ. Однажды онъ спросилъ у Даля:

— Кто у жены моей?

Даль отвѣчалъ:

— Много добрыхъ людей принимаютъ въ тебѣ участіе; зала и передняя полны съ утра до ночи.

— Ну, спасибо, отвѣчалъ онъ, однако же поди, скажи женѣ, что все слава Богу легко; а то ей тамъ, пожалуй, наговорятъ.

Даль его не обманулъ. Съ утра 28 числа, въ которое разнеслась по городу вѣсть, что Пушкинъ умираетъ, его передняя была полна проходящихъ; одни освѣдомлялись о немъ черезъ посланныхъ; другіе—и люди всѣхъ состояній, знакомые и незнакомые—приходили сами. Трогательное чувство національной, общей скорби выражалось въ этомъ движеніи. Число проходящихъ сдѣлалось

наконецъ такъ велико, что дверь прихожей (которая была подлѣ кабинета, гдѣ лежалъ умирающій) безпрестанно отворялась и затворялась; это безпокоило страждущаго; и мы придумали запереть эту дверь, задвинули ее изъ сѣней залавкомъ и вмѣсто ее отворили другую, узенькую, прямо съ лѣстницы въ буфетъ; а гостиную, гдѣ находилась жена, отгородили отъ столовой ширмами. Съ этой минуты буфетъ былъ безпрестанно набитъ народомъ; въ столовую же входили только знакомые. На лицахъ выражалось простодушное участіе; очень многіе плакали. Государь императоръ получалъ извѣстія отъ доктора Арендта, который разъ по шести въ день и по нѣскольку разъ ночью пріѣзжалъ навѣстить больного; государыня великая княгиня (Елена Павловна), очень любившая Пушкина, написала ко мнѣ нѣсколько записокъ, на которыя я отдавалъ подробный отчетъ ея высочеству согласно съ ходомъ болѣзни. Такое участіе трогательно, но оно естественно; естественно и въ государѣ, которому дорога народная слава, какого рода она бы ни была (а въ этомъ отличительная черта нынѣшняго государя: онъ любитъ все русское, онъ ставитъ новые памятники и бережетъ старые); естественно и въ націи, которая въ этомъ случаѣ не только заодно съ своимъ государемъ, но этою общою любовію къ отечественной славѣ укореняется между ними нравственная связь: государю естественно гордиться своимъ народомъ, какъ скоро этотъ народъ понимаетъ его высокое чувство и вмѣстѣ съ нимъ любить то, что славно отличаетъ его отъ другихъ народовъ или ставитъ съ ними на ряду; народу естественно быть бла-

годарнымъ своему государю за любовь къ отечественной славѣ и за великое выраженіе сей любви, ибо въ своемъ государѣ онъ видитъ представителя своей чести. Однимъ словомъ, сіи изъявленія общаго участія нашихъ добрыхъ русскихъ меня глубоко трогали, но не удивляли. Участіе иноземцевъ было для меня усладительною нечаянностію. Мы теряли свое: мудрено ли, что мы горевали? Но ихъ что такъ трогало? Что думалъ этотъ почтенный Барантъ, стоя долго въ уныніи посреди прихожей, гдѣ около его шептали съ печальными лицами о томъ, что дѣлалось за дверями. Отгадать не трудно. Геній есть общее добро; въ поклоненіи генію—все народы родня; и когда онъ безвременно покидаетъ землю, все провожаютъ его съ одинаковою братскою скорбію. Пушкинъ по своему генію былъ собственностію не одной Россіи, но и цѣлой Европы; потому-то и посоль Франціи (самъ знаменитый писатель) приходилъ къ дверямъ его съ печалію своею; и о нашемъ Пушкинѣ пожалѣлъ какъ будто о своемъ. Потому же и Люцероде, саксонскій посланникъ, сказалъ собравшимся у него гостямъ въ понедѣльникъ въ вечеру:

— Нынче у меня танцовать не будутъ, нынче были похороны Пушкина.

Возвращаясь къ своему описанію. Пославъ Даля ободрить жену надеждою, Пушкинъ самъ не имѣлъ никакой. Однажды спросилъ онъ: который часъ? и на отвѣтъ Даля продолжалъ прерывающимся голосомъ:

— Долго ли... мнѣ... такъ мучиться?... Пожалуйста... поскорѣй!... Это повторилъ онъ нѣсколько разъ послѣ:

«скоро ли конецъ?...» и всегда прибавлялъ: «пожалуйста поскорѣй!...» Но вообще (послѣ мукъ первой ночи, продолжавшихся два часа), онъ былъ удивительно терпѣливъ. Когда тоска и боль его одолевали, онъ дѣлалъ движенія руками или отрывисто кряхтѣлъ, но такъ, что почти его не могли слышать.

— Терпѣть надо, другъ, дѣлать нечего, сказалъ ему Даль, но не стыдись боли своей, стонай, тебѣ будетъ легче.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ прерывчиво: нѣтъ.... не надо.... стонать;.... жена.... услышитъ;.... смѣшно же.... чтобъ этотъ.... вздоръ меня... пересилилъ,.... не хочу.

Я покинулъ его въ 5 часовъ утра, и черезъ два часа возвратился. Видѣвъ, что ночь была довольно спокойна, я пошелъ къ себѣ почти съ надеждою, но, возвратясь, нашелъ иное. Арендтъ сказалъ мнѣ рѣшительно, что все кончено, и что ему не пережить дня. Дѣйствительно, пульсъ ослабѣлъ и началъ упадать примѣтно; руки начали стыть. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами; иногда только подымалъ руки, чтобы взять льду и потереть имъ лобъ. Ударило два часа пополудни, и въ Пушкинѣ осталось жизни только на три четверти часа. Онъ открылъ глаза и попросилъ моченой морошки. Когда ее принесли, онъ сказалъ внятно:

— Позовите жену, пускай она меня покормитъ.

Она пришла, опустилась на колѣни у изголовья, поднесла ему ложечку, другую морошки, потомъ прижалась лицомъ къ лицу его; Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ:

— Ну, ну, ничего; слава Богу, все хорошо; поди.

Спокойное выраженіе лица его и твердость голоса обманули бѣдную жену; она вышла какъ будто просіявшая отъ радости.

— Вотъ увидите, сказала она доктору Спасскому, онъ будетъ живъ; онъ не умретъ.

А въ эту минуту уже начался послѣдній процессъ жизни. Я стоялъ вмѣстѣ съ графомъ Вѣльгорскимъ у постели въ головахъ; сбоку стоялъ Тургеневъ. Даль шепнулъ мнѣ:

— Отходить.

Но мысли его были свѣтлы. Изрѣдка только полудремотное забытѣе ихъ отуманивало; разъ онъ подалъ руку Далю и, пожимая ее, проговорилъ:

— Ну, подымай же меня, пойдѣмъ, да выше, выше... ну, пойдѣмъ!

Но очнувшись, онъ сказалъ:

— Мнѣ было пригрѣзилось, что я съ тобой лѣзу вверхъ по этимъ книгамъ и полкамъ! высоко... и голова закружилась.

Немного погодя, онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ искать Далеву руку и, потянувъ ее, сказалъ:

— Ну, пойдѣмъ же пожалуйста; да вмѣстѣ.

Даль, по просьбѣ его, взялъ его подъ мышки и приподнялъ повыше; и вдругъ, какъ будто проснувшись, онъ быстро раскрылъ глаза, лицо его прояснилось, и онъ сказалъ:

— Кончена жизнь!

Даль, не разслушавъ, отвѣчалъ:

— Да, кончено; мы тебя поворотили.

— Жизнь кончена! повторилъ онъ внятно и положительно.

— Тяжело дышать, давить! были послѣднія слова его.

Я не сводилъ съ него глазъ, и замѣтилъ въ эту минуту, что движеніе груди, доселѣ тихое, сдѣлалось прерывчивымъ. Оно скоро прекратилось. Я смотрѣлъ внимательно; ждалъ послѣдняго вздоха; но я его не примѣтилъ. Тишина, его обѣявшая, показалась мнѣ успокоеніемъ, а его уже не было. Всѣ надъ нимъ молчали. Минуты чрезъ двѣ я спросилъ:

— Что онъ?

— Кончилось! отвѣчалъ мнѣ Даль.*)

Такъ тихо, такъ спокойно удалилась душа его. Мы долго стояли надъ нимъ, молча, не шевелясь, не смѣя нарушить таинства смерти, которое совершилось передъ нами во всей умилительной святинѣ своей. Когда всѣ ушли, я сѣлъ передъ нимъ, и долго, одинъ, смотрѣлъ ему въ лицо. Никогда на этомъ лицѣ я не видалъ ничего подобнаго тому, что было на немъ въ эту первую минуту смерти. Голова его нѣсколько наклонилась; руки, въ которыхъ было за нѣсколько минутъ какое-то судорожное движеніе, были спокойно протянуты, какъ будто упавшія для отдыха послѣ тяжелаго труда. Но что выражалось на его лицѣ—я сказать словами не умѣю. Оно было для меня такъ ново и въ то же время такъ знакомо. Это не было ни сонъ, ни покой; не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому

*) Въ три четверти третьяго часа по полудни, въ пятницу, 29 января (1837).

лицу; не было также и выраженіе поэтическое; нѣтъ! какая-то важная, удивительная мысль на немъ развивалась; что-то похожее на видѣніе, на какое-то полное, глубоко-удовлетворяющее знаніе. Всмотриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось у него спросить: что видишь, другъ? И что бы онъ отвѣчалъ мнѣ, если бы могъ на минуту воскреснуть? Вотъ минуты въ жизни нашей, которыя вполне достойны названія великихъ. Въ эту минуту, можно сказать, я увидѣлъ лицо самой смерти, божественно-тайное; лицо смерти безъ покрывала. Какую печать на него наложила она! и какъ удивительно высказала на немъ и свою и его тайну! Я увѣряю тебя, что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, таилась въ немъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ; но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти. *) Таковъ былъ конецъ нашего Пушкина.

Опишу въ немногихъ словахъ то, что было послѣ. Къ счастью я вспомнилъ во время, что надобно съ

*) Жуковскій послалъ гр. Ростопчиной книжку, приготовленную погибшимъ поэтомъ для своихъ новыхъ стиховъ, и самъ началъ эту книжку стихами:

Онъ лежалъ безъ движенія, какъ будто по тяжелой работѣ
 Руки свои опустивъ, голову тихо склоня.
 Долго стоялъ я надъ нимъ, одинъ, смотря со вниманьемъ
 Мертвому прямо въ глаза; были закрыты глаза;
 Было лицо это мнѣ такъ знакомо, и было замѣтно,
 Что выражалось на немъ—въ жизни такого

него снять маску; это было исполнено немедленно, черты его еще не успѣли измѣниться. Конечно, того перваго выраженія, которое дала имъ смерть, въ нихъ не сохранилось; но все мы имѣемъ отпечатокъ привлекательный, изображающій не смерть, а тихій, величественный сонъ. Спустия три четверти часа послѣ кончины (во все это время я не отходилъ отъ мертваго, мнѣ хотѣлось взглянуть въ прекрасное лицо его) тѣло вынесли въ ближнюю горницу; а я, исполняя повелѣнiе государя императора, запечаталъ кабинетъ своею печатью. Не буду рассказывать того, что сдѣлалось съ бѣдною женою: при ней находились неотлучно княгиня Вяземская, Е. П. Загряжская, графъ и графиня Строгоновы. Графъ взялъ на себя всѣ распоряженія похоронъ. Побывъ еще нѣсколько времени въ домѣ, я поѣхалъ къ Виельгорскому обѣдать; у него собрались и всѣ другіе, видѣвшіе послѣднюю минуту Пушкина; и онъ самъ былъ приглашенъ за три дня къ этому обѣду... праздновать день моего рожденія. Въ вечеру, увлеченный необходимостію, пошелъ я къ государю, чтобы донести ему о томъ, какъ умеръ Пушкинъ; онъ выслушалъ меня наединѣ въ своемъ кабинетѣ: этого прекраснаго часа въ моей жизни я никогда не забуду. На

Мы не видали на этомъ лицѣ. Не горѣлъ вдохновенья
 Пламень на немъ, не сіялъ острый умъ;
 Нѣтъ! но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
 Было объято оно: мнилось мнѣ, что ему
 Въ этотъ мигъ предстояло какъ будто какое видѣнiе,
 Что-то сбывалось надъ нимъ, и спросить мнѣ хотѣлось: «что
 видишь?»

другой день, мы, друзья, положили Пушкина своими руками въ гробъ; а на слѣдующій день, въ вечеру, перенесли его въ Конюшенную церковь. И въ эти оба дня, та горница, гдѣ онъ лежалъ во гробѣ, была безпрестанно полна народомъ. Конечно болѣе десяти тысячъ человѣкъ перебивало въ ней, чтобы взглянуть на него: многіе плакали; иные долго останавливались и какъ будто хотѣли всмотрѣться въ лицо его; было что-то разительное въ его неподвижности, посреди этого движенія, и что-то умирительно-таинственное въ той молитвѣ, которая такъ тихо, такъ однообразно слышалась посреди этого смутнаго говора. И особенно глубоко тронуло мнѣ душу то, что государь какъ будто соприсутствовалъ посреди своихъ русскихъ, которые такъ просто, такъ смиренно и съ нимъ заодно выражали скорбь свою объ утратѣ славнаго соотечественника; всѣмъ уже было извѣстно, какъ государь утѣшилъ послѣднія минуты Пушкина, какое онъ принялъ участіе въ его христіанскомъ покаяніи, что онъ сдѣлалъ для его сиротъ, какъ почтилъ своего поэта, и что въ то же время (какъ судія, какъ верховный блюститель нравственности) произнесъ въ осужденіе тому бѣдственному дѣлу, которое такъ внезапно лишило насъ Пушкина. Рѣдкій изъ посѣтителей, помолясь предъ гробомъ, не помолился въ то же время за государя, и можно сказать, что это изъясненіе національной печали о поэтѣ было самымъ трогательнымъ прославленіемъ его великодушнаго покровителя.

Отпѣваніе происходило 1-го февраля. Многіе изъ нашихъ знатныхъ господъ и многіе изъ иностранныхъ

министровъ были въ церкви. Мы на рукахъ отнесли гробъ въ подвалъ, гдѣ надлежало ему остаться до отправленія изъ города.

3-го февраля, въ 10 часовъ вечера, собрались мы въ послѣдній разъ къ тому, что еще для насъ оставалось отъ Пушкина; отпѣли послѣднюю панихиду; ящикъ съ гробомъ поставили на сани; въ полночь сани тронулись; при свѣтѣ мѣсяца, я провожалъ ихъ нѣсколько времени глазами; скоро они поворотили за уголъ дома; и все, что было на землѣ Пушкинъ, навсегда пропало изъ глазъ моихъ.—В. Жуковский.

За тѣломъ слѣдовалъ А. И. Тургеневъ. Пушкинъ не разъ говаривалъ женѣ, что желаетъ быть похороненъ въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ, гдѣ недавно положили его мать. Этотъ монастырь находится Псковской губерніи въ Опочковскомъ уѣздѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ сельца Михайловскаго, гдѣ Пушкинъ провелъ нѣсколько лѣтъ поэтической жизни своей. 4-го числа, въ девятомъ часу вечера, тѣло привезли во Псковъ, откуда оно, по надлежащемъ распоряженіи со стороны губернскаго начальства, въ ту же ночь на 5-е число февраля было отправлено черезъ городъ Островъ въ Святогорскій монастырь, куда привезли его уже къ 7-ми часамъ вечера.—Мертвый мчался къ своему послѣднему жилищу мимо своего опустѣвшаго сельскаго домика, мимо трехъ любимыхъ сосенъ, имъ недавно воспѣтыхъ. Тѣло поставили на Святой горѣ въ соборной Успенской церкви, и отслужили съ вечера панихиду. Всю ночь рыли могилу, подлѣ той, гдѣ покоится его мать. На другой день, на раз-

свѣтъ, по совершеніи божественной литургіи, въ послѣдній разъ отслужили панихиду, и гробъ былъ опущенъ въ могилу, въ присутствіи Тургенева и крестьянъ Пушкина, пришедшихъ изъ сельца Михайловскаго отдать послѣдній долгъ доброму своему помѣщику.

Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову.

5-го февраля 1837 г.

Вижу изъ твоего нынѣшняго письма и изъ твоихъ впечатлѣній, что Тургеневъ передалъ тебѣ не полный отчетъ о послѣднихъ дняхъ Пушкина. Впрочемъ, оно не могло быть иначе. Тургеневъ не былъ безотлучно при немъ днемъ и ночью, подобно мнѣ, Жуковскому, Вельгорскому. Постараюсь пополнить рассказъ его.

Первое слово его женѣ, когда внесли его въ комнату раненаго и положили на диванъ, было слѣдующее:

— Какъ я счастливъ! Я еще живъ и ты возлѣ меня! Будь покойна: ты не виновата, я знаю, что ты не виновата.

Между тѣмъ онъ скрылъ отъ нея опасность раны своей, которую докторъ, по его требованію, откровенно объявилъ ему смертельною.

— Благодарю васъ, — сказалъ онъ тутъ Шольцу, который первый изъ докторовъ видѣлъ его (на мѣстѣ поединка доктора не было, и впрочемъ, по существу раны имъ полученной, докторъ былъ бы бесполезенъ): — что вы сказали мнѣ правду, какъ честный человѣкъ: теперь займусь дѣлами моими.

Вскорѣ послѣ того приѣхалъ Арендтъ и подтвердилъ ему мнѣніе перваго доктора о безнадежности положенія его и смертельности, раны имъ полученной. Разставаясь съ нимъ, Арендтъ сказалъ ему:

— Ёду къ государю, не прикажите ли что сказать ему?

— Скажите, отвѣчалъ Пушкинъ, что умираю и прошу у него прощенія за себя и за Данзаса (братъ московскаго, бывшій лицейскимъ товарищемъ, вѣрнымъ другомъ въ жизни и по смерти, и за часъ до поединка попавшійся ему на улицѣ и взятый въ секунданты).

Ночью возвратился къ нему Арендтъ и приезъ ему для прочтенія собственноручную записку, карандашомъ написанную государемъ, почти въ такихъ словахъ:

«Если Богъ не приведетъ намъ свидѣться въ здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ мое прощеніе и послѣдній совѣтъ: умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я беру ихъ на свои руки».

Пушкинъ былъ чрезвычайно тронутъ этими словами и убѣдительно просилъ Арендта оставить ему эту записку; но государь велѣлъ ее прочесть ему и немедленно возвратить.

— Скажите государю, — говорилъ Пушкинъ, — что жа-

лѣю о потерѣ жизни, потому что не могу изъяснить ему мою благодарность, что я былъ бы весь его.

Эти слова слышаны мною и врѣзались въ память и сердце мое по чувству, съ коимъ они были произнесены.

Пришелъ священникъ; исповѣдалъ и причастилъ его. Священникъ говорилъ мнѣ послѣ со слезами о немъ и о благочестіи, съ коимъ онъ исполнилъ долгъ христіанскій. Пушкинъ никогда не былъ *esprit fort*, по крайней мѣрѣ не былъ имъ въ послѣдніе годы жизни своей; напротивъ, онъ имѣлъ сильное религіозное чувство: читалъ и любилъ читать евангеліе, былъ проникнутъ красотою многихъ молитвъ, зналъ ихъ наизусть и часто твердилъ ихъ.

Жену призывалъ онъ часто, но не позволялъ ей быть безотлучно при себѣ, а ее увѣрялъ онъ, что раненъ въ ногу, и доктора, по требованію его, въ томъ же ее удостоверяли. Когда мучительная боль вырывала невольно крики изъ груди его, отъ которыхъ онъ по возможности удерживался, зажимая ротъ свой, онъ всегда прибавлялъ:

— Бѣдная жена! бѣдная жена! — и посылалъ докторовъ успокоивать ее.

Въ эти два дня онъ только и начиналъ говорить, что о ней и о государѣ. Ни одной жалобы, ни одного упрека, ни одного холоднаго, черстваго слова не слышали мы. Если онъ и просилъ докторовъ не заботиться о продолженіи жизни его, дать ему умереть скорѣе, то единственно оттого, что онъ зналъ о неминуемости смерти своей и терпѣлъ лютѣйшія мученія. Арендтъ, который видѣлъ много

смертей на вѣку своемъ и на поляхъ сраженій, и на болѣзненныхъ одрахъ, отходилъ со слезами на глазахъ отъ постели его и говорилъ, что онъ никогда не видалъ ничего подобнаго, такого терпѣнія при такихъ страданіяхъ. Еще сказалъ и повторилъ нѣсколько разъ Арендтъ замѣчательное и прекрасное утѣшительное слово объ этомъ несчастномъ приключеніи:

— Для Пушкина жалъ, что онъ не былъ убитъ на мѣстѣ, потому что мученія его невыразимы; но для чести жены его—это счастье, что онъ остался живъ. Никому изъ насъ, видя его, нельзя сомнѣваться въ невинности ея и въ любви, которую къ ней Пушкинъ сохранилъ.

Эти слова въ устахъ Арендта, который не имѣлъ никакой личной связи съ Пушкинымъ и былъ при немъ, какъ былъ бы онъ при каждомъ другомъ въ томъ же положеніи, удивительно выразительны. Надобно знать Арендта, его разсѣянность, его привычку къ подобнымъ сценамъ, чтобы понять всю силу его впечатлѣнія. Стало быть, видимое имъ было такъ убѣдительно, такъ поразительно и полно истины, что пробудило и его вниманіе и имъ овладѣло.

— Простилъ ли царь моего Данзаса? спросилъ Пушкинъ у Арендта, — и на довольно успокоительный отвѣтъ его изъявилъ снова преданность и благодарность къ государю.

Кажется, Вельгорскому сказалъ онъ однажды:

— Жду Арендта и царскаго слова, чтобы умереть спокойно.

Ожесточенія (?) къ жизни въ немъ вовсе не было. Онъ

желалъ смерти, какъ конца мученій, и отчаяваясь въ жизни, не хотѣлъ продолжать ее насильственно бесполезными мѣрами и новыми мученіями. Но на другой день, когда сдѣлалось ему получше, и замѣтилъ онъ, что и доктора поободрились, и онъ сдѣлался податливымъ къ надеждѣ, слушался докторовъ, самъ приставлялъ себѣ своею ручно пъявицы, принималъ лекарства, и когда доктора обѣщали ему хорошія послѣдствія отъ лекарствъ, онъ отвѣчалъ имъ:

— Дай Богъ, дай Богъ!

Но этотъ оборотъ къ лучшему былъ непродолжителенъ, и онъ вновь убѣдился въ неминуемости близкой кончины, и ожидалъ ее спокойно, наблюдая ходъ ея, какъ въ постороннемъ человѣкѣ, щупалъ пульсъ свой и говорилъ:

— Вотъ смерть идетъ. — Спрашивалъ: въ которомъ часу, полагаетъ Арндтъ, что онъ долженъ умереть? и изъявлялъ желаніе, чтобы предсказаніе Арндта сбылось въ тотъ же день. Прощаясь съ дѣтьми, перекрестилъ онъ ихъ. Съ женою прощался нѣсколько разъ и всегда говорилъ ей съ нѣжностью и любовью. Съ нами прощался онъ посреди ужасныхъ мученій и судорожныхъ движеній, но съ духомъ бодрымъ и съ нѣжностью. У меня крѣпко пожалъ онъ руку и сказалъ:

— Прости, будь счастливъ.

Пожелалъ онъ видѣть Карамзину. Мы за нею послали. Прощаясь съ нею, просилъ онъ ее перекрестить его, что она и исполнила. Данзасъ, желая вывѣдать, въ какихъ чувствахъ умираетъ онъ къ Геккерну, спросилъ его: не

поручить ли онъ ему чего нибудь, въ случаѣ смерти, касательно Геккерна?

— Требую, отвѣчалъ онъ ему, чтобы ты не мстилъ за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христіаниномъ.

Вотъ все, что на эту минуту могу припомнить изъ всего того, что мы видѣли. Ручаюсь совѣстью, что нѣтъ тутъ лишняго слова и никакого преувеличенія. Напротивъ, вѣроятно, многого нѣтъ. Собираемъ теперь, что каждый изъ насъ видѣлъ и слышалъ, чтобы составить полное описаніе, засвидѣтельствованное нами и докторами.

Пушкинъ принадлежитъ не однимъ ближнимъ и друзьямъ, но и отечеству, и исторіи. Надобно, чтобы память о немъ сохранилась въ чистотѣ и цѣлости истины. Но изъ сказаннаго здѣсь мною ты можешь видѣть, въ какихъ чувствахъ, въ какомъ расположеніи ума и сердца своего кончилъ жизнь Пушкинъ. Дай Богъ намъ каждому подобную кончину! О томъ, что было причиною этой кровавой и страшной развязки — говорить много нечего. Многое осталось въ этомъ дѣлѣ темнымъ и таинственнымъ для насъ самихъ. Довольно намъ имѣть твердое, задушевное убѣжденіе, что жена Пушкина непорочна и что мужъ ея жилъ и умеръ съ этимъ убѣжденіемъ, что любовь и ласковость къ ней не измѣнились въ немъ ни на минуту.

Пушкина въ гробъ положили — и зарѣзали жену его городскія сплетни, людская злоба, праздность и клевета петербургскихъ салоновъ, безыменные письма. Пылкая, страстная душа его, африканская кровь не могли вытерпѣть раздраженія, произведеннаго сомнѣніями и подозрѣніями общества.

— Il y a deux espèces de cocus, — говорилъ онъ д'Аршіаку, секунданту Геккерна, за часъ до поединка, — ceux qui le sont de fait savent à quoi s'en tenir: le cas de ceux qui le sont par la grâce du public, est plus embarrassant et c'est le mien.

Когда д'Аршіакъ требовалъ секунданта отъ Пушкина для переговоровъ о причинахъ поединка, онъ письменно отвѣчалъ ему:

— Je ne me soucie pas de mettre les oisifs de Pétersbourg dans la confidence de mes secrets de famille. Je ne consens à aucun pour parler entre les témoins.

Послѣ пришлю я тебѣ всѣ письма, относящіяся до этого дѣла. Покажи, пожалуйста, мое письмо Ив. Ив. Дмитриеву и Сонцову, или, лучше, дай имъ копию съ него и вообще показывай письмо всѣмъ, кому заблагоразсудишь. Повторяю, все въ немъ сказанное есть сущая, но развѣ неполная истина.

Скажи Сергѣю Львовичу (отцу поэта), что Наталья Николаевна (жена поэта) очень слаба; о горести ея и говорить нечего. Она тотчасъ просила меня написать ему о случившемся несчастіи, но, право, я ни духа, ни силы физической писать не имѣлъ. Наталья Николаевна ожидаетъ брата старшаго изъ Калужской губерніи, и поѣдетъ съ нимъ и съ семействомъ своимъ тотчасъ въ Калужскую губернію. Скажи ему, что всѣ порядочные люди, начиная отъ царской фамиліи, принимаютъ въ ней живѣйшее участіе, убѣждены въ ея невинности, и признаютъ всю эту бѣдственную исторію какимъ-то фаталитетомъ, который невозможно объяснить и невозможно было предупредить.

Анонимныя письма—причина всего; они облили горячимъ ядомъ раздражительное сердце Пушкина: ему съ той поры нужна была кровавая развязка.

Пожалуйста дай и мнѣ копію съ письма моего, чтобы сохранить его въ памяти. Прочти Владиміру Пушкину, и если можешь отыскать, Павлу Воиновичу Нащокину, другу покойнаго Пушкина.

А. И. Тургеневъ отправился третьяго дня вечеромъ съ тѣломъ Пушкина и съ жандармскимъ капитаномъ, для погребенія, въ монастырь Святыхъ горы, Псковской губерніи, близъ деревни Пушкина. Не до смѣха было, а нельзя было намъ воздержаться отъ смѣха, глядя на Тургенева и на сборы его дорожные.

Послѣдніе дни А. С. Пушкина.

(доктора И. Т. Спасскаго).

Въ 7 часовъ вечера, января 27 числа (1837 г.), приѣхалъ за мною человекъ Пушкина.

— Александръ Сергѣевичъ очень боленъ, приказано просить какъ можно скорѣе.

Я не медля отправился въ домъ больного и нашелъ докторовъ Арендта и Задлера. Съ сожалѣніемъ узналъ я объ опасномъ положеніи Пушкина.

— Что, плохо? сказалъ мнѣ Пушкинъ, подавая руку.

Я старался его успокоить; онъ сдѣлалъ рукою отрицательный знакъ, показывающій, что онъ ясно понимаетъ опасность своего положенія.

— Пожалуйста не давайте большихъ надеждъ женѣ, не скрывайте отъ нея въ чемъ дѣло, она не притворщица, вы ее хорошо знаете; она должна все знать. Впрочемъ дѣлайте со мною, что угодно, я на все согласенъ, я на все готовъ.

Врачи уѣхали, оставивъ на мои руки больного. Онъ исполнялъ всѣ врачебныя предписанія. По желанію родныхъ и друзей Пушкина, я сказалъ ему объ исполненіи христіанскаго долга. Онъ тотчасъ же на то согласился.

— За кѣмъ прикажете послать? спросилъ я.

— Возьмите перваго ближайшаго священника, отвѣчалъ Пушкинъ.

Послали за отцомъ Петромъ, что въ Конюшенной. Больной вспомнилъ о Гречѣ.

— Если увидите Греча, молвите онъ, кланяйтесь ему и скажите, что я принимаю душевное участіе въ его потерѣ.

Въ 8 часовъ возвратился докторъ Арендтъ; его оставили съ больнымъ наединѣ. Въ присутствіе доктора Арендта прибылъ и священникъ. Онъ скоро отправилъ церковную потребу: больной исповѣдался и причастился св. таинъ. Когда я къ нему вошелъ, онъ спросилъ:

— Что дѣлаетъ жена?

Я отвѣчалъ, что она нѣсколько спокойнѣе.

— Она бѣдная безвинно терпитъ и можетъ еще потер-

пѣтъ во мнѣніи людскомъ, возразилъ онъ; — не уѣхалъ еще Арендтъ?

Я сказалъ, что докторъ Арендтъ еще здѣсь.

— Просите за Данзаса, за Данзаса: онъ мнѣ братъ. Желаніе Пушкина было передано доктору Арендту и лично самимъ больнымъ повторено. Докторъ Арендтъ обѣщаль возвратиться къ 11-ти часамъ. Необыкновенное присутствіе духа не оставляло больного. Отъ времени до времени онъ тихо жаловался на боль въ животѣ и забывался на короткое время. Докторъ Арендтъ пріѣхалъ въ 11 часовъ. Въ леченіи не послѣдовало перемѣнъ. Уѣзжая, докторъ Арендтъ просилъ меня тотчасъ прислать за нимъ, если я найду то нужнымъ. Я спросилъ Пушкина: не угодно ли ему сдѣлать какія-либо распоряженія?

— Все женѣ и дѣтямъ, отвѣчалъ онъ; позовите Данзаса. Данзасъ вошелъ.

Пушкинъ захотѣлъ остаться съ нимъ одинъ. Онъ объявилъ Данзасу свои долги. Около 4-го часу боль въ животѣ начала усиливаться и къ 5-ти часамъ сдѣлалась значительною. Я послалъ за Арендтомъ; онъ не замедлил пріѣхать. Боль въ животѣ возрасла до высочайшей степени. Это была настоящая пытка. Физиономія Пушкина измѣнилась; взоръ его сдѣлался дикъ; казалось, глаза готовы были выскочить изъ своихъ орбитъ, чело покрылось холоднымъ потомъ, руки охолодѣли, пульса какъ не бывало. Больной испытывалъ ужасную муку, но и тутъ необыкновенная твердость его души раскрылась въ полной мѣрѣ. Готовый вскрикнуть, онъ только стоналъ, боясь,

какъ онъ говорилъ, чтобы жена не слышала и не испугалась.

— Зачѣмъ эти мученія? сказалъ онъ:—безъ нихъ я бы умеръ спокойно.

Наконецъ, боль повидимому начала утихать, но лицо выражало глубокое страданіе, руки по прежнему были холодны, пульсъ едва замѣтенъ.

— Жену, просите жену, сказалъ Пушкинъ.

Она съ воплемъ горести бросилась къ страдальцу. Это зрѣлище у всѣхъ извлекло слезы. Несчастную надо было отвлечь отъ одра умирающаго. Таковъ дѣйствительно былъ Пушкинъ въ то время. Я спросилъ его: не хочетъ ли онъ видѣть своихъ друзей?

— Зовите ихъ, отвѣчалъ онъ.

Жуковскій, Віельгорскій, Вяземскій, Тургеневъ и Данзасъ входили одинъ за другимъ и братски прощались.

— Что сказать отъ тебя царю? спросилъ Жуковскій.

— Скажи, жаль, что умираю—весь его бы былъ, отвѣчалъ Пушкинъ.

Онъ спросилъ: здѣсь ли Плетневъ и Карамзина? Потребовалъ дѣтей и благословилъ cadaго особенно. Я взялъ больного за руку и щупалъ пульсъ. Когда я оставилъ его руку, то онъ самъ приложилъ пальцы лѣвой руки къ пульсу правой; томно, но выразительно взглянулъ на меня и сказалъ:

— Смерть идетъ.

Онъ не ошибался, смерть летала надъ нимъ въ это время. Пріѣзда Арендта онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ.

— Жду слова отъ царя, чтобы умереть спокойно, промолвилъ онъ.

Наконецъ докторъ Арендтъ пріѣхалъ. Его пріѣздъ, его слова оживили умирающаго.

Въ 11-мъ часу утра я оставилъ Пушкина на короткое время, простился съ нимъ, не полагая найти его въ живыхъ по моему возвращеніи. Мѣсто мое занялъ другой врачъ. По возвращеніи моемъ, въ 12 часовъ по полудни, мнѣ показалось, что больной сталъ скокойнѣе, руки его теплѣе и пульсъ явственнѣе. Онъ охотно бралъ лекарства, заботливо спрашивалъ о женѣ и о дѣтяхъ. Я нашелъ у него доктора Даля. Пробывъ у больного до 4-го часу, я снова оставилъ его на попеченіе Даля и возвратился къ нему около семи часовъ вечера. Я нашелъ, что у него теплота въ тѣлѣ увеличилась, пульсъ сдѣлался гораздо явственнѣе и боль въ животѣ ощутительнѣе. Больной охотно соглашался на всѣ предлагаемыя ему пособія. Онъ часто требовалъ холодной воды, которую ему давали по чайной ложечкѣ, что весьма его освѣжало. Такъ какъ эту ночь предложилъ остаться при больномъ докторъ Даль, то я оставилъ Пушкина около полуночи. Рано утромъ, 29-го числа, я къ нему возвратился. Пушкинъ истаевалъ; руки были холодны; пульсъ едва замѣтенъ. Онъ безпрестанно требовалъ холодной воды и бралъ ее въ маломъ количествѣ, иногда держалъ во рту небольшіе куски льду и отъ времени до времени самъ теръ себѣ виски и лобъ льдомъ. Докторъ Арендтъ подтвердилъ мои и доктора Даля опасенія. Около 12 часовъ больной спросилъ зеркало, посмотрѣлъ въ него и махнулъ рукой. Онъ неоднократно

приглашалъ къ себѣ жену. Вообще, всѣ входили къ нему только по его желанію. Нерѣдко на вопросъ: не угодно ли вамъ видѣть жену или кого либо изъ друзей? онъ отвѣчалъ:

— Я позову.

Не задолго до смерти, ему захотѣлось морошки. Не скоро нашли этой ягоды. Онъ съ нетерпѣніемъ ее ожидалъ и нѣсколько разъ повторялъ:

— Морошки, морошки.

Наконецъ принесли морошку.

— Позовите жену, сказалъ Пушкинъ, пусть она меня покормитъ.

Онъ съѣлъ двѣ, три ягоды, проглотилъ нѣсколько ложечекъ соку морошки, сказалъ: «довольно», и отослалъ жену. Лицо его выражало спокойствіе. Это обмануло несчастную его жену; выходя, она сказала мнѣ:

— Вотъ увидите, что онъ будетъ живъ, онъ не умретъ.

Но судьба опредѣлила иначе. Минутъ за пять до смерти Пушкинъ просилъ повернуть его на правый бокъ. Даль, Данзасъ и я исполнили его волю: слегка повернули его и подложили къ спинкѣ подушку.

— Хорошо, сказалъ онъ и потомъ нѣсколько погодя промолвилъ:— жизнь кончена.

— Да, кончено, сказалъ Даль, мы тебя повернули.

— Кончена жизнь, возразилъ тихо Пушкинъ.

Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ Пушкинъ сказалъ:

— Тѣснить дыханіе.

То были послѣднія его слова.

Оставаясь въ томъ же положеніи на правомъ боку, онъ тихо сталъ кончаться—и вдругъ его не стало!—2 февраля 1837 года.—Домашній докторъ Спасскій.

Смерть А. С. Пушкина.

(В. И. Даля).

28 января 1837 года, во второмъ часу по полудни, встрѣтилъ меня Башуцкій, едва я переступилъ порогъ его, роковымъ вопросомъ: «слышали вы?» и на отвѣтъ мой: нѣтъ—разказалъ, что Пушкинъ наканунѣ смертельно раненъ.

У Пушкина нашель я уже толпу въ передней и въ залѣ; страхъ ожиданія пробѣгалъ по блѣднымъ лицамъ. Д-ръ Арендтъ и д-ръ Спасскій пожимали плечами. Я подошелъ къ болящему, онъ подалъ мнѣ руку, улыбнулся и сказалъ:

— Плохо, братъ!

Я приблизился къ одру смерти и не отходилъ отъ него до конца страшныхъ сутокъ. Въ первый разъ сказалъ онъ мнѣ ты,—я отвѣчалъ ему также, и побратался съ нимъ уже не для здѣшняго міра.

Пушкинъ заставилъ всѣхъ присутствовавшихъ сдру-

житься съ смертью, *) такъ спокойно онъ ожидалъ ее, такъ твердо былъ увѣренъ, что послѣдній часъ его ударилъ. Плетневъ говорилъ:

— Глядя на Пушкина, я въ первый разъ не боюсь смерти.

Больной положительно отвергалъ утѣшенія наши и на слова мои: «Всѣ мы надѣемся, не отчаявайся и ты!» отвѣчалъ:

— Нѣтъ, мнѣ здѣсь не житье; я умру, да видно уже такъ и надо.

Въ ночи на 29 онъ повторялъ нѣсколько разъ подобное; спрашивалъ, наприм., который часъ? и на отвѣтъ мой снова спрашивалъ отрывисто и съ разстановкою:

— Долго ли мнѣ такъ мучиться? пожалуйте поскорѣе.

Почти всю ночь держалъ онъ меня за руку, почасту просилъ ложечку холодной воды, кусочекъ льду и всегда при этомъ управлялся своеручно—бралъ стаканъ самъ съ ближней полки; теръ себѣ виски льдомъ, самъ снималъ и накладывалъ себѣ на животъ припарки, и всегда еще приговаривая:

— Вотъ и хорошо, и прекрасно!

*) Хладнокровіе Пушкина къ смерти было всѣмъ извѣстно. У него было 4 поединка; всѣ 4 раза онъ стрѣлялся всегда черезъ барьеръ; всегда первый подходилъ быстро къ барьеру, выжидалъ выстрѣла противника и потомъ—3 раза оканчивалъ дѣло шуткою—заключалъ стихомъ. Такъ, наприм., Пушкинъ, будучи вызванъ въ Кишиневѣ однимъ офицеромъ, стрѣлялся опять черезъ барьеръ, опять первый подошелъ къ барьеру, опять противникъ далъ про-

Собственно отъ боли страдалъ онъ, по словамъ его, не столько, какъ отъ чрезмѣрной тоски, что нужно приписать воспаленію брюшной полости, а можетъ быть еще болѣе воспаленію большихъ венозныхъ жилъ.

— Ахъ, какая тоска! восклицалъ онъ, когда припадокъ усиливался,—сердце изнываетъ!

Тогда просилъ онъ поднять его, поворотить или поправить подушку—и не давъ кончить того, останавливалъ обыкновенно словами:

— Ну, такъ, такъ, хорошо; вотъ и прекрасно, и довольно, теперь очень хорошо!

Вообще былъ онъ, по крайней мѣрѣ въ обращеніи со мною, послушенъ и покладливъ, какъ ребенокъ, дѣлалъ все, о чемъ я его просилъ.

— Кто у жены моей? спросилъ онъ между прочимъ.

Я отвѣчалъ:

— Много людей принимаютъ въ тебя участіе — зала и передняя полны.

— Ну, спасибо, — отвѣчалъ онъ, — однако же, поди,

махъ. Пушкинъ подозвалъ его вполоть къ барьеру, на законное мѣсто, оставилъ въ него пистолеть и спросилъ:

— Довольны ли вы теперь?

Полковникъ отвѣчалъ, смутившись:

— Доволенъ.

Пушкинъ опустилъ пистолеть, снялъ шляпу и сказалъ улыбаясь:

Полковникъ Старовъ,

Слава Богу, здоровъ!

Дѣло разгласилось секундантами, и два стишка эти вошли въ половицу въ цѣломъ городѣ. В. Д.

скажи женѣ, что все слава Богу легко; а то ей тамъ, пожалуй, наговорять.

Съ утра пульсъ былъ крайне малъ, слабъ, часть,—но съ полудня сталъ онъ подниматься, а къ 6-му часу ударялъ 120 въ минуту и сталъ полнѣе и тверже; въ то же время началъ показываться небольшой общій жаръ. Вслѣдствіе полученныхъ отъ д-ра Арендта наставленій, приставили мы съ д-ромъ Спасскимъ тотчасъ 25 пиявокъ и послали за Арендтомъ. Онъ пріѣхалъ, одобрилъ распоряженіе наше. Больной нашъ твердою рукою самъ ловилъ и припускалъ себѣ пиявки и неохотно допускалъ насъ около себя копаться. Пульсъ сдѣлался ровнѣе, рѣже и гораздо мягче; я ухватился, какъ утопленникъ за соломенку, и, обманувъ и себя и друзей, робкимъ голосомъ возгласилъ надежду. Пушкинъ замѣтилъ, что я сталъ бодрѣе, взялъ меня за руку и сказалъ:

— Даль, скажи мнѣ правду, скоро ли я умру?

— Мы за тебя надѣмся еще, право надѣмся!

Онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Ну, спасибо.

Но повидимому онъ однажды только и обольстился моею надеждою; ни прежде, ни послѣ этого онъ ей не вѣрилъ; спрашивалъ нетерпѣливо: а скоро ли конецъ, и прибавлялъ еще: пожалуйста поскорѣе!

Я налилъ, и поднесъ ему рюмку кастороваго масла.

— Что это?

— Выпей это, хорошо будетъ, хотя можетъ быть на вкусъ и дурно.

— Ну, давай, выпилъ и сказалъ:—а, это касторовое масло?

— Оно; да развѣ ты его знаешь?

— Знаю, да зачѣмъ же оно плаваетъ по водѣ? сверху масло, внизу вода!

— Все равно, тамъ (въ желудкѣ) перемѣшается.

— Ну, хорошо, и то правда.

Въ продолженіе долгой, томительной ночи, глядѣлъ я съ душевнымъ сокрушеніемъ на эту таинственную борьбу жизни и смерти—и не могъ отбиться отъ трехъ словъ изъ Онѣгина, трехъ страшныхъ словъ, которыя неотвязчиво раздавались въ ухахъ, въ головѣ моей:

Ну, что жь?—убить!

О! сколько силы и краснорѣчія въ трехъ словахъ этихъ! Они стѣять знаменитаго Шекспировскаго рокового вопроса: быть или не быть. Ужасъ невольно обдавалъ меня съ головы до ногъ,—я сидѣлъ, не смѣядохнуть—и думалъ: вотъ гдѣ надо изучать опытную мудрость, философію жизни, здѣсь, гдѣ душа рвется изъ тѣла, гдѣ живое, мыслящее совершаетъ страшный переходъ въ мертвое и безответное, чего не найдешь ни въ толстыхъ книгахъ, ни на кафедрѣ!

Когда тоска и боль его одолѣвали, онъ крѣпился усиленно, и на слова мои: терпѣть надо, любезный другъ, дѣлать нечего; но не стыдись боли своей, стонай, тебѣ будетъ легче,—отвѣчалъ отрывисто:

— Нѣтъ, не надо, жена услышитъ, и смѣшно же это, чтобы этотъ вздоръ меня пересилилъ!

Онъ продолжалъ по прежнему дышать часто и отрывисто; его тихій стонъ замолкалъ на время вовсе.

Пульсъ сталъ упадать и вскорѣ исчезъ вовсе, и руки начали стыть. Ударило два часа по-полудни, 29 января, — и въ Пушкинѣ оставалось жизни только на три четверти часа. Бодрый духъ все еще сохранялъ могущество свое; изрѣдка только полудремота, забвеніе на нѣсколько секундъ туманили мысли и душу. Тогда умирающій, нѣсколько разъ, подавалъ мнѣ руку, сжималъ и говорилъ:

— Ну, подымай же меня, пойдемъ, да выше, выше, ну, пойдемъ.

Опамятовавшись, сказалъ онъ мнѣ:

— Мнѣ-было пригрезилось, что я съ тобою лѣзу по этимъ книгамъ и полкамъ высоко — и голова закружилась.

Раза два присматривался онъ пристально на меня и спрашивалъ:

— Кто это? ты?

— Я, другъ мой.

— Что это, продолжалъ онъ, — я не могъ тебя узнать.

Немного погодя, онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ искать мою руку и, потянувъ ее, сказалъ:

— Ну, пойдемъ же, пожалуйста, да вмѣстѣ.

Я подошелъ къ В. А. Жуковскому и гр. Віельгорскому и сказалъ: отходить! Пушкинъ открылъ глаза и попросилъ моченой морошки; когда ее принесли, то онъ сказалъ внятно:

— Позовите жену, пусть она меня покормитъ.

Нат. Ник. опустилась на колѣни у изголовья умираю-

щаго, поднесла ему ложечку, другую—и привикла лицомъ къ челу мужа. Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ:

— Ну, ничего, слава Богу, все хорошо.

Друзья, ближніе молча окружили изголовье отходящаго; я, по просьбѣ его, взялъ его подъ мышки и приподнялъ повыше. Онъ вдругъ будто проснулся, быстро раскрылъ глаза, лицо его прояснилось и онъ сказалъ:

— Кончена жизнь.

Я не дослышалъ и спросилъ тихо:

— Что кончено?

— Жизнь кончена, отвѣчалъ онъ внятно и положительно.

— Тяжело дышать, давить!.. были послѣднія слова его.

Всеобщее спокойствіе разлилось по всему тѣлу: руки остыли по самыя плеча, пальцы на ногахъ, ступни и колѣни также; отрывистое, частое дыханіе измѣнялось болѣе и болѣе въ медленное, тихое, протяжное; еще одинъ слабый, едва замѣтный вздохъ— и пропасть необъятная, неизмѣримая раздѣлила живыхъ отъ мертваго. Онъ скончался такъ тихо, что предстоящіе не замѣтили смерти его.

При вскрытіи оказалось: чресельная часть правой половины (os il. dextr.) раздроблена, часть крестцовой кости также; пуля затерялась около оконечности послѣдней. Кишки были воспалены, но не убиты гангреной; внутри брюшины до фунта запекшейся крови, вѣроятно, изъ бедренной или брыжеечныхъ венъ. Пуля вошла въ двухъ дюймахъ отъ верхней передней оконечности правой чресельной кости и прошла косвенно или дугою внутри большого таза сверху внизъ до крестцовой кости. Пушкинъ

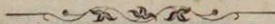
умеръ, вѣроятно, отъ воспаления большихъ венъ, въ соединеніи съ воспаленіемъ кишокъ.

Изъ раны, при самомъ началѣ, послѣдовало сильное венозное кровотеченіе; вѣроятно, бедренная вена была перебита, судя по количеству крови на платъѣ, плащѣ и проч., надобно полагать, что раненый потерялъ нѣсколько фунтовъ крови. Пульсъ соотвѣтствовалъ этому положенію больного. Итакъ, первое стараніе медиковъ было унять кровотеченіе. Опасались, чтобы раненый не изошелъ кровью. Холодные со льдомъ примочки на брюхо, холодительное питье и проч. вскорѣ отвратили опасеніе это, и 28-го утромъ, когда боли усилились и показалась значительная опухоль живота, рѣшились поставить промывательное, чтò съ трудомъ можно было исполнить. Пушкинъ не могъ лечь на бокъ, и чувствительность воспаленной проходной кишки отъ раздробленнаго крестца— обстоятельство въ то время еще неизвѣстное— была причиною жестокой боли и страданій послѣ промывательнаго. Пушкинъ былъ такъ раздраженъ духовно и тѣлесно, что въ это утро отказался вовсе отъ предлагаемыхъ пособій. Около полудня д. Арентъ далъ ему нѣсколько капель опія, чтò Пушкинъ принялъ съ жадностію и успокоился. Передъ этимъ принималъ онъ уже *extr. hyoscyami c. calomelano*, безъ видимаго облегченія. Послѣ обѣда и во всю ночь давали попеременно *aq. laurocerasi* и *opium in pulv. c. calomel.*

Къ шести часамъ вечера, 28-го ч., болѣзнь приняла иной видъ; пульсъ поднялся значительно, ударялъ около 120 и сдѣлался жестокъ; оконечности согрѣлись, общая теплота тѣла возвысилась, безпокойство усили-

лось; поставили 25 пиявокъ къ животу; лихорадка стихла, пульсъ сдѣлался ровнѣе, гораздо мягче, кожа обнаружила небольшую испарину. Это была минута надежды. Но уже съ полуночи и въ особенности къ утру общее изнеможеніе взяло верхъ; пульсъ упалъ съ часу на часъ, къ полудню 29-го исчезъ вовсе; руки остыли, въ ногахъ сохранилась теплота долѣе, — больной изнывалъ тоскою, начиналъ иногда забываться, ослабѣвалъ и лицо его измѣнилось. При подобныхъ обстоятельствахъ нѣтъ уже ни пособія, ни надежды. Можно было полагать, что омѣртвѣніе въ кишкахъ начало образоваться. Жизнь угасала видимо, свѣтильникъ долѣвалъ послѣднюю искрой.

Вскрытіе трупа показало, что рана принадлежала къ безусловно-смертельному. Раздробленія подвздошной, въ особенности крестцовой кости неисцѣлимы; при такихъ обстоятельствахъ смерть могла послѣдовать: 1) отъ истеченія кровью; 2) отъ воспаленія брюшныхъ внутренностей обще съ поражениемъ необходимыхъ для жизни нервовъ и самой оконечности становой жилы (*cauda equina*); 3) самая медленная, томительная отъ всеобщаго изнуренія, при переходѣ пораженныхъ мѣстъ въ нагноеніе. Раненый нашъ перенесъ первое, и потому успѣлъ приготовиться къ смерти, проститься съ женою, дѣтьми и друзьями, и благодаря Бога не дожилъ до послѣдняго, чѣмъ избавилъ и себя и ближнихъ отъ напрасныхъ страданій.—В. Даль.



Jan

22/13

★ 1 С ИЮЛ. 544



2011138054